

КОЛЛЕКЦИЯ ЧУВСТВ

Бабочки зависти

Ярослава Лазарева

Ярослава Лазарева

Бабочки зависти

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949465

Эксмо;
ISBN 978-5-699-57362-2

Аннотация

Я завидовала им дико и безумно. У них было все – красота, идеальные отношения и восхищение парней. У меня – бесформенная фигура, подаренные самой себе плюшевые игрушки и одиночество. Я их ненавидела и мечтала отомстить, они – меня не замечали. Однажды я решила, что смогу избавиться от разрушительной зависти и начать жизнь заново, и только один-единственный человек в мире способен мне помочь... Правда, он еще не знает об этом.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ярослава Лазарева

Бабочки зависти

Глава первая

Он спускался с неба, словно некое божество... Парашют в сине-белую полоску казался чем-то вроде огромного нимба, раскинувшегося над ним. Еще и солнечные лучи обливали его сверху, и тонкая ткань буквально светилась. Девчонки, стоящие по краю поля, завизжали и захлопали в ладоши. Дуры! Как же я их ненавижу!

– Ираклий! – орал он. – Ты лучший!

Я смотрела, затаив дыхание, как «мой бог» плавно опустился с небес на землю – это мне казалось, что плавно, на самом деле он прыгнул на мягкий дерн, согнув колени и чуть не упав, – затем выпрямился, снял защитный шлем и тряхнул темными волосами, отбрасывая их со лба. Девушки бросились к нему, не замечая других парашютистов, опускающихся на поле. Ираклий ослепительно улыбнулся, его глаза лучились удовольствием, щеки разругались. Я стояла поодаль, сжав губы от злости на этих ненормальных «фанаток» самого популярного парня в нашем городке. Ираклий был красив – густые темные волосы, правильные мужественные черты лица, выразительные зеленые глаза, белозубая улыбка,

ямочка на подбородке, от которой у меня перехватывало дыхание, мускулистая подтянутая фигура. Но наряду с эффектной внешностью он был одарен самыми разнообразными талантами. И я не понимала, как ему удастся реализовывать себя и все успевать. Ираклий закончил в этом году ту же школу, что и я, поступил в МАИ, и это вызвало бурю отчаяния в рядах его бесчисленных поклонниц, ведь их герой уедет вот уже через две недели на учебу в Москву. Он увлекался парашютным спортом, фитнесом, ухаживал за двумя хаски, занимался их дрессировкой на собачьей площадке, находящейся за моим домом. Мало того, Ираклий пел и танцевал в бойз-бэнд, организованном три года назад в нашем Дворце культуры. Успех этой весьма сомнительной, на мой взгляд, группы был исключительно за счет популярности Ираклия у девушек. Я ходила несколько раз на выступления, ничего необычного, стандартный набор слезогонных песенок по шаблону: «ты меня не любишь, я тебя люблю, ты меня забудешь, я тебя никогда...» И все номера были непременно оснащены подтанцовкой. Но когда Ираклий вставал у микрофона с грустно-задумчивым выражением лица и затягивал какую-нибудь романтическую песню, опустив голову и прикрыв пол-лица длинной прядью, то девушки чуть в обморок не падали, орошая слезами и себя, и подруг, и край сцены.

Но я вела себя по-другому, никогда не лезла вперед, не дарила ему мягкие игрушки, цветы и записочки, не орала, как полоумная: «Мы тебя любим! Ты наш герой!», не выма-

ливала номер телефона и «хотя бы одно свидание», и тем более не простаивала после концерта у служебного входа в ожидании выхода кумира. Я презираю все эти стандартные проявления фанатской любви. Только дуры могут так себя вести. Ираклий, конечно, всем и всегда улыбается – вот и сейчас, даже не сложив парашют, он раздает автографы – он любезен со всеми, но так уж он воспитан. Его отец по национальности грузин и всегда отличался вежливостью и предупредительностью. Я знаю эту семью с детства, они живут в соседнем доме. Мать Ираклия русская, и эти яркие зеленые глаза он унаследовал от нее. Его младшая сестра, сейчас ей десять лет – самая избалованная девочка в нашем дворе. Виноваты поклонницы Ираклия. Чтобы подольститься к кумиру, они задаривают ее конфетами и игрушками и пытаются гулять с ней, когда она выходит из дома. Я частенько наблюдаю за этими маневрами из своего окна. Наша квартира на пятом этаже, и весь двор как на ладони. Свободного времени у меня сейчас хоть отбавляй. Я никуда не поступила. Знаю, что виновата сама, уж очень мне лень было учиться, никакого интереса ни один школьный предмет не вызывал, и я часто пропускала уроки. Одноклассники меня не любили, учителя без конца ругали, поэтому школу я всегда ненавидела и мечтала, чтобы она сгорела.

Но сейчас я ощущаю некую растерянность: что дальше? Середина августа, лето пролетело незаметно. Вначале выпускные экзамены, затем бал, на который, правда, я так и

не пошла. Просидела весь вечер дома, пока они там веселились...

– Катюха, а ты чего за кустом прячешься? – раздался позади меня звонкий голос, и я резко обернулась. – Тоже что ли на нашего Ираклия пришла полюбоваться? Вот не ожидала!

Ко мне подошли три девушки, они смотрели на меня насмешливо. Я отпрянула от куста сирени, за которым стояла, и развернулась к ним. Мою особую ненависть вызывала Марта. Именно она была кандидатурой на роль девушки Ираклия, все только об этом и говорили, ведь их несколько раз видели вместе на пляже и в кафе. Она была высокой стройной голубоглазой блондинкой модельной внешности, училась со мной в одном классе, поступила в московскую текстильную академию на дизайнера и по этой причине ходила, задрав нос. Марта не сомневалась, что добьется больших успехов в фэшн-индустрии, к тому же всем говорила, что как только уедет в столицу, сразу начнет серьезно встречаться с Ираклием. Марта не скрывала своих намерений, рассказывала, что родители против того, чтобы она жила в общежитии или ездила на занятия из дома на машине, они будто уже сняли ей роскошную квартиру чуть ли не в центре. Меня это и злило и удивляло, ведь мы живем в ближнем Подмосковье и от нашего города до МКАД всего полтора часа езды на машине.

– Чего молчишь-то? – продолжила Марта и подмигнула подругам.

Те захихикали и обступили меня.

– Она тоже бежит за нашим Ираклием, – сказала одна.

– Куда ей! – расхохоталась другая. – Это же не девушка, а бомба!

– Только не сексуальная! – весело подхватила Марта. – А скорее жировая.

– Идиотки! – не выдержала я, сильно толкнула Марту и вырвалась из окружения.

– Беги, беги! – раздалось вслед. – Тебе полезно, может, лишнее сбросишь!

Я с трудом сдержала слезы, еще не хватало показывать этим анорексичкам, что обращаю внимания на их колкости.

– В чем дело?!

Его голос прозвучал, как гром среди ясного неба. Я плохо понимала, что происходит, но Ираклий уже стоял передо мной. Его улыбка оставалась такой же лучезарной, я от восторга онемела и остановилась, словно мгновенно разучилась ходить.

– Кать, ты чего? – участливо поинтересовался Ираклий.

Я оглянулась. Марта с подружками стояли чуть поодаль и наблюдали за нами. С другой стороны приближалась группа девушек – стандартный состав его поклонниц.

– Ничего! – грубо ответила я. – И скажи своей Марте, что если она еще будет лезть ко мне, то я ее обесцвеченные волосенки выдеру! Ясно?! – спросила я, окончательно приходя в себя.

– Во-первых, она не моя, во-вторых... Марта? – громко

позвал Ираклий.

Поклонницы, видя, что начались какие-то разборки с их основной соперницей, сразу оживились и ускорили шаг. Но Марта сделала вид, что она занята разговором с подругами и не слышит Ираклия. Я заметила, как между его красиво изогнутыми черными бровями пролегла на миг складка, ясные глаза чуть потемнели. Ираклий не привык, чтобы его игнорировали. Он схватил меня за руку и быстро двинулся к Марте. Я, ощущая его горячую ладонь, обмирала от счастья, даже ноги начали подкашиваться, но держалась из последних сил.

Мы остановились возле девушек. Я тряслась от близости Ираклия, но упорно создавала впечатление, что мне все равно. К тому же снова затопила ненависть при виде хорошенького личика Марты с задраннным носом и приподнятыми тонкими бровками. На ее лице ясно читалось обиженное недоумение. Она так нелепо надула накрашенные губы, что я не выдержала и рассмеялась. Ираклий глянул на меня и выпустил мою руку. Сразу повеяло холодом. Я скрестила руки на груди и выпрямилась, старательно втягивая живот.

– Милый, чего ты кричишь? – капризно спросила Марта и хлопнула длинными, густо накрашенными ресницами.

«Кукла заводная! – зло подумала я. – Кривляка!»

Ираклий вздернул правую бровь, но от комментариев воздержался. Видно, он решил послушать, что она скажет. Не дождавшись ответа на вопрос, Марта сменила тактику. Ее

имидж милой куколки мгновенно сменился на вид незаслуженно обиженной святой и чуть не довел меня до истерики. Ей нужно было поступать на актерский факультет.

– Чего скалишься? – зло спросила она, глянув на меня с презрением. – Защитника нашла?

– Никого я не нашла! – ответила я и повернула голову, заметив, что группа поклонниц приблизилась и прислушивается к нашему разговору. – И вообще тебя никто не спрашивает!

– Слушай, корова, вали отсюда, а?! – не выдержала Марта. Ее хорошенькое личико исказилось и стало даже некрасивым.

– А ты оглобля! – резко ответила я, развернулась и пошла прочь.

– Девочки, вы чего? – услышала я растерянный голос Ираклия, но даже не обернулась.

Слезы душили от обиды. Он был так близко, держал меня за руку, но мой характер не позволил воспользоваться ситуацией. Вместо того чтобы проявить выдержку, я сцепилась с этой идиоткой Мартой. И что сейчас? Ухожу, а они смеются за моей спиной. Ну и пусть! Судя по всему, Ираклий и к Марте ничего особенного не испытывает, и все она выдумывает и выдает желаемое за действительное.

Я шла все быстрее и скоро начала успокаиваться. Августовское солнце все еще сильно припекало, пот струился по моему лицу и спине, я чувствовала, как прилипла футбол-

ка и, представив, что на тонкой серой ткани уже видны мокрые пятна, содрогнулась. Мой излишний вес угнетал, в душе я завидовала стройной и высокой Марте. Но моя мать была полной, и с детства мне внушала, что такова уж моя конституция и поделаться с этим ничего нельзя. Я ей верила, но постоянно садилась на какие-нибудь диеты, правда, быстро их бросала и снова начинала поедать мучное и сладкое. Тем более я обожала выпекать различные вкусности. У меня к этому настоящая страсть. Ароматные булочки, пампушки и ватрушки так восхитительно пахли, когда я доставала их из духовки, что мы с мамой съедали обычно больше, чем было нужно. Да еще и запивали чаем или молоком. Такая «диета» совсем не располагала к похуданию. Но это был единственный вид деятельности, который хоть как-то меня успокаивал и приносил удовольствие. Когда я изобретала рецепты вкусных булочек и пирожных, замешивала тесто, составляла начинки, формировала на противне изделия, стараясь придать им необычную и красивую форму, то была по-настоящему счастлива и забывала обо всем. И какое же было наслаждение доставать из духовки румяные произведения кулинарного искусства. По-другому свою выпечку я назвать не могла и втайне гордилась данным мне от природы талантом. Выложив очередные шедевры на красивое блюдо, я представляла, что мой будущий муж оценит их, будет кушать и нахваливать «свою ловкую хозяйку». И конечно, я видела в мечтах на эту роль только Ираклия.

Я стремительно дошла до конца поля и, заметив подъезжающую маршрутку, бросилась к ней. Мне хотелось уехать домой и никого не видеть. Я вышла на своей остановке, но приблизившись к торговому центру, замедлила шаг. Очень хотелось купить новую футболку, я даже приглядела одну большого размера с розой на груди. Обычно я покупала футболки однотонные и похожие фасоном на мужские, но эта модель белого цвета и с красивым рисунком очень мне приглянулась. А розу еще украшали по контуру стразы, которые так красиво поблескивали. Футболка была надета на манекен и выставлена в витрине. Я еще вчера ее заметила, но вот цена! Для меня это дороговато. Тем более дома сейчас атмосфера весьма недружелюбная. То, что я после окончания школы никуда не поступила, невыносимо раздражало моих родителей. Они, правда, пока молчали, но их косые взгляды говорили без слов.

Я приблизилась к витрине. Облюбованная вещь все еще красовалась на манекене. Как же она эффектно выглядит! Но когда я перестала ее изучать, то переведя взгляд, внезапно увидела свое отражение в стекле и тяжело вздохнула. Передо мной маячила бесформенная туша в серой огромной футболке и широких шортах, чуть выше колен. Надо признаться самой себе, что выгляжу я именно, как туша. И зачем ношу эти старые шорты? Они укорачивают мои ноги, а ведь рост у меня средний, всего метр шестьдесят три. Это вам не вытянутое стройное тело Марты, которая выше меня

на десять сантиметров и худее килограмм на двадцать, если не на тридцать. К тому же она всегда на каблуках. Даже сегодня на соревнования вырядилась в босоножки на высоченной шпильке, а ведь по травянистому полю неудобно ходить в такой обуви.

– Изучаешь? – раздалось позади меня.

Я вздрогнула и обернулась. Анечка, моя единственная подруга, только что подошла и улыбалась мне.

– Привет, – сказала я. – За своими объемами я тебя даже не заметила, мое отражение заполонило всю витрину!

– Да ладно тебе на себя наговаривать, – ответила она и улыбнулась. – А ты все на эту футболку с розой любишься? Может, стоит примерить?

– Не знаю... Конечно, мне родители подарили конверт с деньгами на окончание школы, поздравили, так сказать. Но не хочу просто так их тратить. Мало ли, что дальше будет!

– Кать, да ты только прикинешь. Сама знаешь, на манекене одно дело, а вот как на тебя сядет, совсем другое! Да ты, может, сразу разочаруешься и перестанешь страдать по этой вещице. Сама знаешь, что-то сильно полнит, а в чем-то ты стройнее. Всегда же лучше примерить!

Я окинула взглядом щуплую невысокую фигуру подруги, ей как раз беспокоиться было не о чем. У Ани был замечательный обмен веществ, она ела все что хотела и абсолютно не поправлялась. Она вообще походила на сказочного эльфа – пепельно-русые кудряшки, тонкое, обычно бледное ли-

цо с распахнутыми серыми глазами, нежный тихий голосок и худощавая невысокая фигурка. Вместе мы смотрелись комично, но меня это мало волновало. Анечка сидела со мной за одной партой еще с седьмого класса. Ее отец – военный, его в то время перевели в наш городок. Аня появилась в школе в начале третьей четверти, робко заняла единственное свободное место рядом со мной. Я как раз со всеми перессорилась и находилась в конфронтации со всем светом.

А причина имелась. В каникулы мы часто собирались с одноклассниками у кого-то на квартире. Сидеть в кафешках мы тогда не могли, карманных денег не хватало. Но пиво и чипсы покупали обычно в складчину на всю компанию. Мне исполнилось тринадцать, я быстро оформилась физически, как раз начала набирать вес, моя фигура округлилась, я выглядела взрослее своих лет. Наверное, поэтому пользовалась повышенным интересом у парней. Но тогда мне это даже льстило, я кокетничала и охотно отвечала на заигрывания. Но однажды все изменилось. Мы как-то засиделись у нашего одноклассника, его родителей не было в городе, квартира оказалась в нашем полном распоряжении. Атмосфера была самая что ни на есть романтическая: полумрак, только мигают крохотные разноцветные звездочки новогодней гирлянды, обматывающей елку, приятная фоновая музыка, несколько зажженных свечей, хаотично расставленных на столе, бутылка шампанского. Мы – две девчонки и три парня – сидим отчего-то на полу на пушистом ковре, тесно

прижавшись друг к другу и беспрерывно хихикая. Я тогда впервые попробовала шампанское, и оно сразу затуманило голову. Настроение было легким, веселым и дурашливым...

Стараюсь не вспоминать, что произошло в тот злополучный вечер. Для меня это оказалось настоящим шоком. Ира, моя одноклассница, удалилась в соседнюю комнату с одним из парней, «чтобы никто не мешал целоваться». Именно так она выразилась. Оставшиеся двое ребят зажали меня с двух сторон, вначале я смеялась, принимая это за шутку. Но парни распались, их прикосновения были весьма недвусмысленны. Один обхватил меня за плечи и пытался целовать в губы, другой уже забрался под платье и больно тискал мои бедра. Парни в исступлении бормотали какие-то гадости, смысл которых я до конца не понимала. Их покрасневшие возбужденные лица, затуманенные прикрытые глаза, мокрые губы потом еще долго стояли у меня перед глазами. Помню этот дикий приступ ярости, который охватил меня. Я была крупнее, сильнее и легко вырвалась из их цепких рук.

– Кать, ты чего?! – хором спросили они, сидя на полу и испуганно на меня глядя.

Я возвышалась над ними и тряслась от ненависти. Никак не могла справиться с собой. И парни отлично видели в какое я впала исступление. Они сидели неподвижно, сжавшись от страха.

– Вы почему так... вы за кого меня принимаете... вы... как вы посмели?! – бормотала я, сжимая кулаки так сильно,

что ногти впивались в кожу.

– Да мы что... мы ничего..., – начал оправдываться один охрипшим голосом.

– Так, просто хотели... поразвлечься, – сорвавшимся фальцетом добавил второй. – Ты ведь уже вон какая вымахала.... И все у тебя на месте...

И он добавил весьма двусмысленную фразу про мои анатомические особенности оформившейся девушки. И это явилось последней каплей. У меня буквально «сорвало крышу» от дикого гнева. С каким же наслаждением я их избивала! Я с силой пинала их ногами, била кулаками, таскала за волосы, царапала лица. Странно, что они не сопротивлялись, а лишь закрывали головы трясущимися руками и пытались уползти. Но я впала в такую ярость, что перестала себя контролировать. Я бы их точно убила, если бы не вмешались Ира и ее друг. На шум они примчались в гостиную и оттащили меня. «Жертвы» воспользовались моментом и сбежали. Ира смотрела на меня испуганно, словно видела впервые. Но на ее вопросы я отвечать не стала.

Затем по двору поползли слухи о моей якобы неадекватности. Я понимала, что это постарались «жертвы» в отместку мне. Они оба ходили с царапинами на лице и лиловыми синяками, и если я случайно встречала кого-то из них, старались убраться с моего пути. После окончания новогодних каникул я заметила, как изменилось ко мне отношение одноклассников. Парни обходили меня стороной. Но после

этого происшествия я и сама старалась с ними не общаться. Невыносимое отвращение к мужскому полу овладело мной. Я все никак не могла забыть, как эти двое лезли ко мне, их липкие руки, слюни и полуприкрытые мутные глаза. Если любовь имела такое физическое воплощение, то я не хотел ее испытывать. Именно так я тогда и думала. Странно, что Ира приняла сторону «жертв». Она тоже стала обходить меня стороной, постоянно шушукалась за моей спиной с одноклассницами, те смотрели на меня с опаской. Конечно, я могла бы объяснить ситуацию хотя бы девушкам. Но мне было так обидно из-за несправедливости всего происходящего, так противно обсуждать эту тему и что-то кому-то доказывать, что я молчала с гордым видом. И постепенно вокруг меня образовался некий вакуум. Со мной даже никто не хотел сидеть за одной партой. Однако я по-прежнему не шла ни на какое сближение с одноклассниками, не пыталась уладить конфликт. Я ненавидела и презирала их всех, скопом. И у меня не осталось друзей.

Именно тогда в класс пришла Анечка. Я сидела одна, одноклассники игнорировали. И то, что новенькая сразу уселась рядом со мной, обезоружило. Я видела, как на перемене Анечку отвела в сторону Ира и что-то начала шептать ей на ухо. Я презрительно усмехнулась и приготовилась к обороне. Но Анечка отшатнулась от Иры и глянула на нее с недоумением, потом что-то резко ей ответила. И я поняла, что она не из тех, кто слепо доверяет сплетням. Именно это ре-

шило дело. Мы стали дружить. Я взяла Анечку под свое крыло, никому не давала в обиду. Нас вначале дразнили, придумывали обидные прозвища типа: «плюшка и ее изюминка», «хомяк и суслик», «подушка и перышко», но я не обращала внимания. Аня первое время болезненно воспринимала такое отношение одноклассников, даже пыталась сблизиться с некоторыми девушками, уладить возникшее недоразумение, но ее отвергали, ведь она была моей подругой. А это словно клеймо. И Анечка скоро успокоилась и стала общаться только со мной.

– Пошли? – задорно предложила она, схватила меня за руку и потащила в торговый центр.

– Нет, нет, – бормотала я сквозь смех, но не сопротивлялась.

Мы оказались в магазине, я сняла с кронштейна белую футболку, но она оказалась с рисунком огромного ананаса на груди.

– Попроси с розой, – прошептала я подруге, так как сама терпеть не могла общаться с продавцами-консультантами.

Мне всегда казалось, что они смотрят на меня с затаенным пренебрежением и ехидством. И я ненавидела их хорошенькие мордашки с аккуратным «деловым» макияжем, стройные подтянутые тела и фальшивые улыбки. На их фоне моя полная фигура в обычно бесформенной одежде казалась мне еще уродливее, а обилие больших зеркал в магазинах не позволяло забыть об этом ни на минуту. Анечка молча кивнула

и направилась к продавщице. Та что-то раздраженно начала говорить ей, но моя милая подруга настаивала. Я наблюдала со стороны за их общением, которое становилось все напряженнее. И вот продавщица сдалась и пошла к витрине. Она нервно сдернула футболку с манекена и протянула ее Ане. Та заулыбалась и двинулась ко мне.

– Спасибо! – громко сказала я и с вызовом посмотрела на раскрасневшуюся продавщицу. – Хамка, – тихо добавила я. – Никто не хочет работать, им бы только клиентов обсуждать!

– Забей и пошли в примерочную! – улыбнулась Анечка. – Кстати, вот отличные белые капри под эту футболку. И твой размер!

– Что ты! Денег нет! – испугалась я, но она уже сняла с вешалки брюки и подняла болтающуюся этикетку. – Кать, да они со скидкой!

В примерочной я натянула футболку и капри. Брюки были мне в самый раз, сидели отлично и, видимо, поэтому не полнили, хоть и были белыми. Но вот футболка оказалась на размер меньше нужного. Она натянулась на груди и животе, роза с блестящими стразами исказилась и стала выглядеть не такой красивой. Анечка спросила из-за занавески, как дела. Я вышла в проход между кабинками. Она окинула мою фигуру задумчивым взглядом. Я повертелась перед ней.

– Может, каблучок? – предложила она. – Капри сидят отлично! Просто с твоими вьетнамками не смотрятся.

– Я же вам сразу сказала, что эта футболка не того размера

и не подойдет вашей подруге! И зачем с манекена снимать заставили? – раздался недовольный голос продавщицы.

Мы обернулись. Она стояла в проходе и ехидно улыбалась. На ее лбу «красной строкой» бежало: «На такую корову нет одежды в нашем магазине».

– Беру! – решительно произнесла я и нырнула в кабинку.

– И правильно! – торжествующим тоном подхватила Анечка. И к моему удовольствию добавила холодным тоном: – А вам бы не мешало быть повежливее!

– Да я что? Я ничего! – опомнилась продавщица.

– Вы знаете, кто мой папа?! – перешла в наступление Анечка.

Я как раз снимала капри, не выдержала и тихо рассмеялась. Моя подруга мастерски умела нагонять страху на любой обслуживающий персонал именно этой фразой. Что-то такое было в ее голосе, что мгновенно приводило хамоватых сотрудников в чувство и они начинали извиняться даже за то, чего не делали. Вот и сейчас продавщица на миг онемела, затем рассыпалась в извинениях и даже предложила нам по чашечке кофе.

– Спасибо! – сухо ответила Анечка. – Мы не пьем кофе, от него портится цвет лица, да и зубная эмаль темнеет.

Я вышла из кабинки. Продавщица выхватила вещи из моих рук и двинулась к кассе.

– Ань, футболка-то на самом деле маловата мне, – прошептала я, доставая кошелек из сумочки. – И уж очень до-

рого она стоит! Капри точно возьму, скидка на них большая. Хотя... лето заканчивается, а они белые.

– И что? – ответила Анечка и вздернула брови. – Еще походишь. А футболка... ты же все равно собираешься худеть. Вот и будет стимул!

«А и правда! – со странным облегчением подумала я. – Не все же практичные вещи покупать! Пусть будут хоть одни белые брюки и красивая футболочка».

Когда мы вышли из магазина одежды, я задумчивоглянула на соседнюю витрину. Эффектные розовые босоножки привлекли мое внимание. Анечка будто читала мои мысли.

– Верно! – одобрительно проговорила она. – Нужен каблук! Сразу будешь казаться и выше и стройнее.

– Да я уже столько денег спустила! – тихо ответила я.

– Вообще-то, Катюха, ты даже на выпускной не пошла! – заметила она. – Значит, на платье не тратилась. Считай, это своего рода моральная компенсация. Ты же лишила себя удовольствия потанцевать на балу!

– Издеваешься? – вспылила я. – Уж какое там удовольствие! С кем бы я танцевала? Да и где бы взяла подходящий наряд? Чехол от танка? Или белый парашют? Только это мне бы и подошло. Ладно, не будем вспоминать! Школа закончена, и вряд ли я буду приходить на встречи выпускников. Точно не захочу кого-то вновь увидеть!

Я решительно зашла в магазин обуви и взяла с полки розовые босоножки. Никогда я не носила таких высоких каблук-

ков. Босоножки выглядели изящными, но мне казалось, что я их раздавлю своим весом.

– Красивые! – со вздохом заметила Анечка.

– И мой размер, – пробормотала я и впихнула ноги в обувь.

Но когда встала, то с трудом удержалась на таких высоких каблуках.

«И как девчонки ходят в такой обуви? – изумлялась я про себя. – На ней даже стоять трудно!»

Я подошла к зеркалу, и отражение мне понравилось. Моя фигура выглядела стройнее. К тому же босоножки были в тон розы на моей новой футболке.

– Знаешь, давно говорила, что каблук делает девушку намного интереснее! – довольно заметила Анечка. – Покупаем!

– И ладно! Бог с ними, деньгами! – сказала я. – Зато все в комплекте.

Когда мы вышли из торгового центра, я замедлила шаг и кивнула на свободную скамейку неподалеку. Мы купили мороженое и уселись.

– Идешь сегодня в клуб? – поинтересовалась я.

– А что там? – удивленно спросила Анечка.

– Ты забыла? Я же еще два дня назад тебе говорила....

Ираклий будет выступать.

– Так вот зачем ты купила обновки! – засмеялась она. – Хочешь произвести впечатление. Кать, сколько раз буду повторять, не для тебя этот парень!

– Знаю, что я толстая, некрасивая, прыщавая..., – хмуро проговорила я и выбросила в урну недоеденный стаканчик с пломбиром.

– Глупости, – спокойно ответила Анечка. – Тебе просто нужно взять себя в руки, сбросить лишний вес, привести в порядок кожу, волосы. Ведь черты лица у тебя очень красивые и правильные, да и фигура пропорциональная. Похудеешь и еще та будешь красотка! Даже эту задаваку Марту за пояс заткнешь.

– Да пошла она! – грубо произнесла я. – Тощая бесцветная моль! Так идешь или как?

– Катенька..., – после паузы начала она.

И это непривычно ласковое обращение сразу меня насторожило. Я развернулась всем корпусом к подруге. Она сидела, опустив голову, выражение лица мне очень не понравилось.

– Что случилось? – спросила я.

– Ты знаешь, что мой отец военнослужащий, – начала она, – но я мало распространяюсь о семейных делах, да и тебя это не очень-то интересует, что в принципе правильно. А он у меня уже в отставке, родители лишь ждали, когда я закончу школу. И они решили, что мы перебираемся в Питер. Ведь они оба оттуда. У нас там и квартира имеется. Так что мы уезжаем.

– В смысле?! – испугалась я. – Как это уезжаем? И когда?

– Совсем скоро, – тихо ответила Анечка. – Мы уедем с

мамой, а отец пока здесь будет все дела заканчивать и вещи собирать.

– Поэтому ты поступила в колледж именно в Питере! – прошептала я. – Знала заранее, что вы туда переезжаете, а мне ничего не говорила.

– А зачем зря беспокоить? – сказала она. – Ведь ничего изменить нельзя. Ты бы только расстраивалась...

– Вовсе нет! – зло ответила я и вскочила. – Ну и вали в свой Питер! И без тебя обойдусь!

Я видела, как Анечка побледнела, ее губы начали дрожать. Я схватила пакет с покупками и быстро пошла прочь. Казалось, слезы сдержать нет никакой возможности, но я сжала зубы и без конца повторяла про себя, что моя единственная подруга оказалась настоящей предательницей. Приступ ярости охватил меня, даже потемнело в глазах. Меня буквально разрывало от эмоций и противоречивых чувств. Я не могла представить, что Анечка вот так просто отказалась от меня и спокойно уезжает в другой город. У меня и мысли не возникало, что она может предать нашу дружбу. Анечка была постоянной величиной в моей жизни, и я думала, что мы всегда будем вместе, даже после того как выйдем замуж. Я представляла наши свадьбы, как поведем детей в бывшую школу. И вот в одночасье все рухнуло. Я была не готова к такому повороту событий и винила во всем только Аню.

«Разве не могла она отказаться уехать с родителями и остаться в нашем городе? – твердила я про себя. – Мы уже

взрослые, школу закончили и можем сами решать свою судьбу! Но она предпочла уехать от меня!»

Конечно, я знала, что Аня подала документы именно в питерский колледж, но из-за своего эгоизма особо не расспрашивала, почему именно туда. Решила про себя, что легче поступить, чем в московский, и была уверена, что после трех лет обучения подруга вернется в наш город, ведь ее родители жили здесь. Но все оказалось совсем не так.

Больше всего меня огорчало то, что подруга молчала о планах семьи. И как можно было смотреть мне в глаза, общаться со мной, зная, что наша разлука неизбежна? Мне казалось, это и есть самая настоящая подлость.

Расстроенная, с трудом сдерживая слезы, я дважды обошла вокруг торгового центра, но успокоиться так и не смогла. Постояв несколько минут и упорно говоря себе, что отныне Анечка для меня умерла, я завернула за здание и направилась к своему дому. Но войдя во двор, замерла. У торца за кустами сирени стоял мой отец и довольно громко говорил по мобильному.

– А что ты хочешь, дружище? Деваха она кровь с молоком, тело литое, не то, что моя жена-квашня. Тронешь и колышется. – И он громко захохотал. – Что ж я упускать такой шанс буду? Что?.. Нет-нет, не офисный работник... Она две недели назад уборщицей к нам устроилась... ну я и ... ага, в подсобке вчера оторвались с ней. Классная девка!

И он снова довольно захохотал. Меня передернуло от от-

вращения. Я выглянула из-за куста и окинула отца презрительным взглядом с ног до головы. Ему было всего сорок два года, но выглядел он намного старше. Одутловатое лицо землистого цвета, мешки под глазами, лысеющая голова, большой пивной живот – вот вам портрет современного Казановы. Заметив меня, он начал краснеть и мгновенно закончил разговор. Зовут моего отца Иннокентий Федорович, и я с детства терпеть не могла это имя и когда злилась на него, про себя называла «Кеша».

– Катерина, ты откуда? – задал он глупый, на мой взгляд, вопрос. – Домой идешь?

Но я не ответила. Мне было противно смотреть на его растерянное лицо с отвисшей нижней губой, из головы не шел только что услышанный разговор.

– Я вот сейчас маме все расскажу... Кеша! – с угрозой проговорила я. – Она тебе живо отобьет охоту лапать молоденьких уборщиц!

– Дочка, что ты?! – испугался он и шагнул ко мне. – Ты все не так поняла!

– Не делай из меня идиотку! – закричала я. – Бабник!

– Ну хочешь я тебе денег дам, а? – заискивающим тоном предложил он.

И меня снова передернуло от отвращения.

– Я к бабушке! – сухо ответила я, глянула на него презрительно и быстро пошла прочь.

Сегодня явно не мой день. Он как-то сразу не задался, на-

чиная еще со стычки с этой идиоткой Мартой. Потом Анечка со своим сообщением о скором отъезде. И в довершение мерзкий разговор отца по телефону. Я быстро двинулась вдоль дома, стараясь не глядеть по сторонам. Но сверху раздалось:

– Катя!

На балконе стояла мама. Она перевесилась через перила и махала мне рукой. Я вспомнила определение моего отца «квашня» и испытала приступ жалости. Мама была еще полнее, чем я, ее тело выглядело бесформенным, а светлый, к тому же сильно выцветший трикотажный халат делал ее крупнее. Тонкие, русые, плохо подстриженные волосы растрепались, и прическа казалась крайне неопрятной. Она была младше отца на четыре года, но выглядела его ровесницей, если не старше.

– Добрый день, Нонна Васильевна, – раздалось с соседнего балкона.

– Привет, Анечка! – ответила мама, подняв голову.

– Кать, зайдешь ко мне? – спросила «предательница» и ясно улыбнулась.

– Обед давно простыл, – недовольно заметила мама. – Вообще-то суббота, а дома нет никого! Зачем только еду готовлю? И отец где-то застрял!

– Сейчас прибудет, – ехидно проговорила я.

– Кать! – снова позвала Анечка. – Поднимешься?

Я замедлила шаг. После ее «предательства» боль не ухо-

дила. Но я уже не пыталась понять, почему Аня так долго молчала о своих планах, решила, что меня жизнь бывшей подружки больше не должна волновать и уж тем более побудительные мотивы ее поступков. Единственно правильным было вычеркнуть Аню из памяти, постараться забыть об ее существовании. Только так можно избавиться от боли. Значит, сейчас мне нужно делать вид, что ее не существует. Но как же это трудно, мы столько лет были вместе, всем делились. И сейчас она стоит на балконе и так жалостливо на меня смотрит.

– Мам, я к бабушке! – громко сказала я, взяв себя в руки и подняв голову к нашему балкону.

– Зачем? – удивилась она.

– Надо, – кинула я и быстро пошла прочь.

Мне не хотелось никого видеть, необходимо было успокоиться. Лишний раз я порадовалась, что мама совсем не умеет пользоваться мобильным. Отец как-то отдал ей свой старый телефон и пытался научить обращаться с ним, но мама лишь усвоила, какую кнопку нажать, чтобы ответить на звонок. Так телефон и валялся на тумбочке в коридоре безо всякой пользы. А вот если бы она овладела этой премудростью, то мне точно не было бы покоя. Знаю по одноклассникам, родители им звонят по каждому пустяку и без конца выясняют, где они, когда домой явятся и почему задерживаются. А вот моя жизнь в этом плане полна спокойствия. Отцу, по моему, давно до меня нет никакого дела, мать, знаю, пере-

живает, но высказывает мне претензии только лично, старших братьев у меня нет.

Услышав гудение мобильного из сумочки, я вздрогнула, достала его и глянула на дисплей. Ну конечно, Аня! Я могла бы и сразу догадаться, что она так просто не смирится с нашей ссорой. Такой уж у нее характер, она любит все делать как можно правильнее и доводить начатое до конца. И даже расставание должно быть безупречным. Перфекционистка еще та! Я смотрела на дисплей с ее именем и мучительно раздумывала, отвечать или нет. Потом сбросила звонок и выключила телефон. Но когда дошла до конца дома, все-таки оглянулась. Аня по-прежнему стояла на балконе. Она даже перегнулась через перила и смотрела мне вслед. Когда я оглянулась, она подняла телефон и помахала им. Но я реагировать не стала, лишь ускорила шаг. Хватит! Не о чем нам с ней больше разговаривать.

Но сердце сжималось и хотелось плакать. После отъезда Ани я останусь совсем одна. У меня нет круга общения, я нигде не учусь, у меня нет работы. Все мои одноклассники куда-то поступили, многие в учебные заведения в нашем городке, некоторые попали в московские, только я осталась не у дел. Конечно, я всегда училась неважно и даже хотела уйти из школы после окончания девятого класса. Но родители резко воспротивились и настойчиво уговаривали «поднапрячься», я подтянулась по многим предметам и благополучно перешла в десятый. И что сейчас? Родители пока мол-

чат, но вот их колючие взгляды говорят без слов, и я будто в мозгу так и слышу: «Растили тебя, учили, думали на старости лет подмогой будешь, а ты оказалась тунеядкой!» Конечно, мне нужно подыскивать какую-то работу. Мать, правда, робко предложила к ним в бухгалтерию уборщицей, но я сразу начала орать от возмущения. Чтобы я тряпкой махала, да туалеты мыла? Ни за что! Отец тоже пытался пристроить меня к ним на фирму курьером. Но побегав пару дней с пакетами по организациям, а в промежутках выполняя поручения сотрудников типа «Кать, дуй в киоск, купи мне сигарет», я быстро поняла, что это не для меня. Из-за полноты мне тяжело находиться весь день на ногах. Даже давление подскочило, это и спасло. У матери дома имеется тонометр. И когда я пожаловалась на плохое самочувствие и не вышла на работу, она мне несколько раз за день измерила давление и ужаснулась высоким цифрам. Отец ехидно заметил, что давно известно, если человек не хочет что-то делать, то тут же начинает болеть. Но я не стала отвечать, а легла на диван с несчастным видом. И на семейном совете было решено, что я отдохну до сентября, а там видно будет. Странно, но мое давление тут же нормализовалось, и уже вечером я отправилась на прогулку с Анечкой.

Весь июль я просидела в деревне у бабушки со стороны матери. В августе вернулась домой, но пока работу не нашла. По правде говоря, я особо и не старалась. Да и куда меня могут взять без образования? Опять курьером или уборщи-

цей? Нет уж! Такие должности не по мне. Мать, правда, заикнулась, что на химический завод, где ее подруга работает инженером, нужна лаборантка, но это все равно, что работать уборщицей, намывать пробирки и бегать по поручениям. Я даже не поехала на собеседование, сразу отказалась. Отец сильно возмутился, голос на меня повысил, но я заявила, что они сами разрешили мне отдыхать до сентября. И родители оставили меня в покое. Но это затишье перед бурей, дома постоянно чувствуется напряжение, поэтому стараюсь уходить с самого утра и возвращаться как можно позже. Хорошо, Анечка всегда меня поддерживала и отлично понимала. Я часто у нее время проводила, даже ночевала. Но она уезжает... навсегда.

Снова подступили непрошеные слезы, стало невыносимо обидно, что жизнь так ко мне несправедлива. Одно утешение – бабуля, к которой я сейчас иду. Это мать моего отца, зовут ее Алла Андреевна, но она не выносит, когда я обращаюсь к ней «бабушка», «баба Алла» или по имени-отчеству. Поэтому с раннего детства она для меня просто Алла. И как же она не похожа на всю нашу семью! Отец после долгих лет семейной жизни приблизился по комплекции и внешнему сытому виду жены и всех ее родственников. А вот Алла выглядит подтянутой, спортивной и ухоженной, несмотря на то, что ей уже шестьдесят два года. В семье к ней относятся по-особому, потому что ходят слухи, будто она богата, только скрывает это от всех. Мне смешно наблюдать,

как перед ней лебезят родственники, когда мы собираемся на семейные праздники. Алла мне нравится не из-за ожидания каких-то выгод в будущем, а просто сама по себе. Она очень интересная и неординарная личность, хотя ни дня не работала, так как ее обеспечивали мужья. А их у нее было трое. Мой отец – от ее первого мужа Федора Ивановича. Тот занимался бизнесом, затем развелся с ней, уехал на ПМЖ в Испанию и оставил ей прекрасную трехкомнатную квартиру. Второй и третий тоже были далеко не бедными, и Алла имела возможность не работать, а жить в свое удовольствие. И всегда говорила мне, что это целое искусство удачно выходить замуж, и не мешало бы начинать обучать юных девиц еще в школе. И она одна из всей моей родни постоянно ругает меня за избыточный вес и неопрятный внешний вид, и зачастую очень резко.

Когда я приблизилась к ее дому, а он находится от моего всего в одном квартале, то сразу увидела Аллу. Она быстро шла к подъезду, и я невольно залюбовалась ее упругой и совсем молодой походкой. Алла всегда носила каблуки и упорно твердила мне, что «изысканность женщины часто измеряется в высоте ее шпилек» и что «сняла каблук – сошла с дистанции». Издали ей никто не давал ее возраста. Считываемый был около сорока и не более. Подтянутая фигура, облаченная в элегантный светло-серый костюм с коротким приталенным жакетом, серые туфельки на шпильках, аккуратно подвитые и уложенные волосы красивого золотистого

оттенка, свежее лицо с ясными голубыми глазами и очень легким макияжем – именно так выглядела моя шестидесятидвухлетняя бабушка. Она в таком виде выходила даже просто в булочную, и это меня восхищало. Мне всегда хотелось быть похожей на Аллу, но мешала природная лень.

– Катерина! – искренне обрадовалась она, когда я ее окликнула. – Какая молодец, что решила зайти! А я как раз медовик купила. Хотя... тебе лучше обойтись без таких высококалорийных продуктов.

Алла легко обняла меня за плечи и чмокнула в щеку. От нее пахло каким-то тонким цветочным ароматом, и это было приятно.

– Обновки купила, – сообщила я, – хочу, чтобы ты заценила. Мать-то, сама знаешь, в этом ничего не понимает!

– А когда ей? Она ж все по хозяйству хлопочет, – возразила Алла. – Твоя мамочка – золотая женщина и мечта любого мужчины!

– Это почему? – изумилась я, вспоминая ее бесформенную фигуру, серое уставшее лицо и одышку.

– Потому, что она без особых запросов и очень добрая. А значит, всем и все прощает, – пояснила с улыбкой Алла. – Надеюсь, и ты будешь такой. Только внешний вид вам обоим давно пора изменить! Но я уже устала говорить об этом. Вот уж точно, пока человек сам чего-то не поймет, объяснять ему бесполезно.

– Да понимаю я все, – ответила я. – Только толку ноль.

Жирная я и все тут!

Она засмеялась и снова поцеловала меня, пробормотав: «Моя ты толстушка!»

Ее квартира всегда восхищала меня чистотой, ухоженностью и изысканным интерьером. Однако я знала, что Алла имеет помощницу по хозяйству, которая приходит к ней каждое утро на пару часов. Мы вошли в холл, Алла сняла туфельки, поставила их в шкафчик для обуви, засунула ноги в красивые домашние сабо на танкетке, затем повесила жакет на плечики, поправила прическу перед зеркалом и обернулась ко мне.

– Чего стоим? – с улыбкой поинтересовалась она.

– На тебя смотрю, – тихо ответила я. – И почему, почему я удалась не в тебя?! Все ж родная кровь! Но я вот копия мамы. От этого и вес не могу сбросить!

– Глупости! – засмеялась Алла. – Просто меньше есть нужно и больше двигаться. И продукты правильные подбирать. Сколько раз я тебе это говорила! Стоит сбалансировать питание, и сразу от лишнего жирка избавишься. Чего уж проще, утром не сладкий чай и сдоба, а овсяная каша на воде и фрукты.

Алла пожала плечами и отправилась на кухню. А я разулась и подошла к большому трюмо. Тяжко вздохнув, оглядела себя в зеркало. Но моя полнота никуда не делась, так что надеяться, что отражение, словно по мановению волшебной палочки, станет стройным, бессмысленно. Я смотрела

на бесформенную фигуру, полные ноги, еще и «обрезанные» широкими до колен шортами, и мое настроение стремительно падало. Внезапно я будто увидела рядом с такой «коровой» стройного подтянутого Ираклия с его красивым лицом, слегка прикрытым длинной темной челкой, яркими глазами и белозубой открытой улыбкой. Я даже улыбаться не умела, наверное, от этого уголки губ были всегда опущены, и выражение лица казалось угрюмым. Я приблизилась к зеркалу. Натуральным был только цвет глаз. Они у меня голубые с легким серым оттенком. Но я настолько привыкла обильно их красить, что рассмотреть их форму было весьма проблематично. Толстые жирные линии обводили их со всех сторон. Густая тушь утяжеляла ресницы, и они становились для меня словно завесой от окружающего мира. Частенько я еще и накладные приклеивала. Тонкие, выщипанные и четко прорисованные брови обрамляли глаза. Волосы у меня от природы светло-каштановые, но я с седьмого класса окрашиваю их в черный цвет. Они падают мне до плеч, но я не люблю прилизанные прически, мне кажется, что от них лицо выглядит еще круглее, поэтому постоянно укладываю пряди гелем или начесываю, поднимая их выше. Моя кожа никогда не бывает чистой, и я не выхожу на улицу, не замазав прыщички толстым слоем тонального крема. Темными румянами стараюсь создать визуальный эффект впалости щек. На губы всегда накладываю яркую помаду. Конечно, я кажусь неформалкой, но, на мой взгляд, это лучше вида толстушки-про-

штушки. А именно так я и выгляжу без макияжа. Периодически мечтаю о пирсинге и тату, но в глубине души я жуткая трусиха и боюсь боли. И этот страх останавливает меня.

– Катя, иди сюда! – раздался голос Аллы из кухни, я снова вздохнула и отправилась к ней.

На столе красовался медовик, я сразу заулыбалась и присела к нему поближе. Но Алла отодвинула тарелку с тортом на другой край, а передо мной поставила маленький салатник с мелко нарезанными огурцами, помидорами и зеленью.

– Но..., – начала я и скривила губы.

– Никаких «но», – строго ответила она. – Научись уже, в конце концов, смотреть на продукты не с точки зрения удовольствия! Это необходимый минимум для получения энергии, только и всего. Так что кушай овощи, а я позволю себе кусочек медовика.

– Конечно, у тебя такая фигура! – вздохнула я и пододвинула к себе салатник. – Но мне не мешает сегодня как следует подкрепиться!

– Зачем это? – заинтересовалась она.

– Тусовка в клубе, – пояснила я. – Хочу пойти. Я уж себе и новые шмотки купила!

Алла поморщилась, затем сказала:

– Сколько буду учить тебя не употреблять вульгаризмы и жаргонные словечки. Это не украшает девушку!

– А меня уже ничто не может украсить! – раздраженно ответила я, взяла кусочек хлеба и тщательно собрала со дна

тарелки остатки овощного сока с оливковым маслом.

– Плохие манеры, – заметила Алла, глядя на мои движения, – это, видимо, генетически заложено... все думаю... Ты ведь совсем меня не слушаешь! Сколько лет твержу одно и то же. Конечно, если бы ты постоянно жила со мной, то вела себя точно по-другому. Но ты ведь набегами!

– Могу и пожить! – обрадовалась я. – Дома уж очень неудобно последнее время. Родители все никак не могут смириться, что я никуда не поступила! Как будто таких выпускников нет. Иногда жалею, что не парень! А так бы в армию забрали...

– Какие глупости ты говоришь! – улыбнулась Алла. – Поела? – без перехода поинтересовалась она.

– Ну-у... еще бы чаю и хотя бы малюсенький кусочек медовика. А?

Я сделала умильное лицо, но на нее это не действовало. Я знала, что Алла обладает железной силой воли, поэтому не удивилась, увидев, как она быстро закрыла коробку с тортом и убрала ее в холодильник.

– Если бы я так распустила себя, – строго проговорила она и одернула шелковый топ, – то уже давно перестала бы уважать себя и как женщину и как личность!

«Ну вот, сейчас нотации начнет читать!» – с тоской подумала я и опустила глаза.

Бабушка бывала иногда нудной в своем стремлении перевоспитать меня.

– Давай, я тебе шмо... новые вещи покажу! – предложила я и улыбнулась.

– Хорошо! – подобрела она.

Но когда мы вошли в гостиную и я начала доставать из пакета футболку, раздался весьма характерный звук вызова аськи. Я вздрогнула и глянула в угол комнаты. На столе находился открытый ноутбук. Алла уже давно научилась пользоваться компьютером, лично у меня это вызывало восхищение.

– Ой, я совсем забыла, что включила его, когда мы пришли, – быстро сказала она. – Извини, дорогая, это твой дедушка. Я еще утром с ним переписывалась.

Я положила пакет и подошла к столу. Алла ловко набирала текст и чему-то посмеивалась. Она отправила сообщение и повернулась ко мне.

– Дедушка Федя, – констатировала я. – Привет ему от меня передай.

– Уже, – засмеялась она. – Он недавно купил дом на Северном Кипре, вот в гости приглашает.

– Испании ему мало! – пробормотала я. – Что, поедешь?

– Пока думаю, – после паузы ответила Алла. – Мы почти пять лет не виделись, а я явно не молодею...

– Удивляюсь тебе. Вы же сто лет как в разводе! – заметила я.

– И что? – спросила она и приподняла брови. – Ты же знаешь, со всеми своими бывшими мужьями я осталась в пре-

красных отношениях и в любой момент могу к ним обратиться, если возникнет какая нужда. Они для меня все равно родные люди! А к Федору вообще особое отношение, все-таки у нас общий сын.

– И внучка! – с гордостью проговорила я.

– Ну, конечно, детонька! – ласково ответила Алла и поцеловала меня в щеку.

В этот момент пришло сообщение. Я склонилась к монитору.

«Девочки мои, приезжайте вместе! О деньгах не беспокойтесь, я все оплачу. Дом просто чудо! И море в 300-х метрах. Сейчас отличное время, солнце уже не так жарит, как в июле», – прочитала я. Смайлик «поцелуй» стоял в конце и повторялся трижды.

– Во дедуля жжет! – рассмеялась я. – Дом на Кипре!

– Слушай, а это идея! – сказала Алла. – Давай-ка мы тебя отправим. Ты пока не учишься и не работаешь. Уж недельку-то можешь там пожить. И Федор в восторге будет!

– Я?! Ты хочешь, чтобы я туда поехала? Сейчас?!

У меня даже дыхание перехватило.

– А когда еще? – с улыбкой заметила Алла. – Сейчас самое время! Что я ему отвечаю?

И она вопросительно на меня посмотрела. Я поняла, что моя бабушка не шутит, и испугалась. Хотя наряду с испугом возникла какая-то мстительная радость. Я представила вытянувшиеся физиономии Марты и ее гламурных подружек,

когда они узнают, что я «просто так, чисто отдохнуть» слетала на Кипр.

– А может, деда просто шутит? – предположила я.

– Шутит?! – расхохоталась Алла. – Что ты, детка! Он всегда отличался серьезностью и по правде говоря, казался мне чересчур педантичным. Ты его плохо помнишь?

– Последний раз встретились, когда мне лет семь было, – ответила я. – Он приехал из своей Испании только ради того, чтобы увидеть, как его единственная внучка пойдет в первый класс. Ты же была там!

– Господи, как летит время! – вздохнула Алла. – Вижу, ты решить не можешь, – добавила она, – поэтому сделаю тебе приятное: приму важное решение вместо тебя.

И она быстро начала печатать. Я с замиранием читала ее сообщение.

«Федя, твое предложение заманчиво. Но я вряд ли смогу им воспользоваться, а вот Катя готова выехать хоть сейчас. Так что позаботься о билетах для нее в оба конца».

Алла поставила смайлик «поцелуй» и отправила сообщение.

– Но..., – нервно начала я, – а как же... что родители скажут? Да они меня в жизни не отпустят!

– Не суетись! – отмахнулась она. – Паспорт у тебя имеется. Скажи спасибо, что прошлой осенью я тебя в Египет вывезла и заграничный сделала! Визу, насколько я помню, на Кипр не нужно, а деньги Феденька даст. Он мужчина щед-

рый! И всегда таким был. Отдохнешь, загорись, похудеешь, так как плавать много будешь, но главное, переосмыслишь свою жизнь. В этом я не сомневаюсь. Иногда необходимо все резко менять, в этом случае сразу мозги на место становятся. А то ты, вижу, совсем погрязла в своих мелких проблемах, которые кажутся тебе отчего-то вселенского масштаба. А с родителями я сама поговорю! А вообще, Катерина, тебе не пора? Ты же на какую-то вечеринку собиралась.

Я глянула в угол монитора на часы и вскрикнула. Ираклий говорил, что выступление начнется в восемь, то есть через сорок минут! Я бросилась в ванную. Косметичка у меня всегда с собой, так что поправить грим не представляло никакой сложности. Высоко начесав волосы и вылив на них чуть ли не полфлакона лака, я побежала в комнату, где оставила пакет. Алла сидела в кресле и с улыбкой за мной наблюдала. Я быстро натянула новую футболку, капри и засунула ноги в босоножки. Именно они вызвали пристальный интерес Аллы.

– Что я вижу? – весело заметила она. – Ты купила обувь на каблуках? Да еще и на таких высоких! Это прогресс! Сама видишь, насколько ты выглядишь стройнее. Недаром говорится: встала на каблуки – минус пять килограмм. И живот втяни, а то футболка немного тебе мала.

Я тут же выпрямила спину, старательно втягивая живот.

– Так и держи осанку! – одобрила Алла.

– У тебя сигареток нет? – просительно заговорила я. – А

то...

– Катерина! – строго начала она.

– Но ты ведь всю жизнь покуливаешь, – ответила я. – И ничего! Вон как прекрасно выглядишь! А мне сигареты помогают не поправляться еще больше.

– Бог мой! Как я устала говорить одно и то же! – раздраженно заметила Алла. – Ты просто невменяемая! И совершенно отсталая девушка.

– Это почему? – обиделась я и направилась в коридор.

– Потому что курение уже давно не в моде! – ответила Алла, идя за мной. – Это в начале прошлого века субтильные бледные барышни с мечтой в затуманенном взоре весьма изысканно смотрелись с сигареткой между тонкими изящными пальчиками. Это было стильно и вызывало восхищение у противоположного пола. А сейчас что? Грубые вульгарные на вид девахи, раскрашенные как клоуны, стоят компаниями, курят, матерятся, пьют пиво и сплевывают прямо на асфальт. И где тут стиль и загадочность? Увы, но и ты выглядишь с сигаретой так же вульгарно! Это я тебе сейчас об эстетической стороне вопроса. А ведь есть еще и медицинская. Нынешние сигареты – это ужас что такое!

– И при чем тут мода? – хмуро заметила я, оглядывая себя в зеркало и поправляя помаду.

– Катя! Усвой уже, что наступает эра так называемой девушки-фитнес! В Интернете только об этом и читаю. И долгие годы в моде будет подтянутая спортивная жизнерадост-

ная девушка без вредных привычек.

– Значит, эта истеричка и анорексичка Марта, к тому же курящая и любящая мартини, уже не в моде! – сделала я вывод и заулыбалась.

Алла тоже улыбнулась и молча пожала плечами. Правда, в ее глазах ясно читалась жалость. Еще бы! По сравнению с той же Мартой я была ископаемым, ни о каком модном виде и речи не могло быть с такой-то расплывшейся фигурой и нечистой кожей.

– Ты вернешься сюда? – уточнила Алла, когда я закончила поправлять макияж и направилась к двери.

– А можно? – расплылась я в улыбке.

Уж очень не хотелось идти домой и выслушивать нотации матери.

– Почему бы и нет? – засмеялась она и звонко чмокнула меня в щеку. – И веди себя прилично. Уж очень ты бываешь резкой. А молодым людям это совсем не нравится, уверяю!

– К сожалению, я сама им не очень-то нравлюсь! – ответила я и вышла за дверь.

Когда оказалась на улице, то сразу приняла замкнутый высокомерный вид, к которому уже настолько привыкла, что воспринимала его как защитную маску. Босоножки оказались не совсем удобными, к тому же у меня нет опыта ходить на высоких каблуках, поэтому я шла не так быстро, как обычно. И еще была сосредоточена на том, чтобы втягивать живот, я помнила, что футболка мне маловата и отлично об-

рисовывает мои жиры. Видимо, поэтому я не сразу заметила Анечку. А она караулила меня за углом дома. Я буквально натолкнулась на нее. Анечка стояла передо мной с таким несчастным видом, что жалость охватила меня. Все-таки невозможно мгновенно вычеркнуть из жизни то, что длилось годами. А ведь мы дружили с седьмого класса и были «не разлей вода».

– Можно я тоже пойду в клуб? – тихо спросила она.

Ее распахнутые светлые глаза эльфа чуть повлажнели, словно вот-вот хлынут слезы.

И я собрала волю в кулак. Помогло презрение, пришедшее на смену жалости.

– Я вас не знаю, – грубо ответила я, оттолкнула ее и быстро пошла прочь.

– Катя! – раздалось вслед.

Я остановилась и резко обернулась. Щуплая фигурка моей бывшей подруги выглядела жалко. Анечка побледнела, слезы все-таки потекли, она буквально дрожала. Но я не могла простить, не могла. Все в моей душе окаменело. Я не видела смысла продолжать общение. Наши пути разошлись в разные стороны.

– Ты будто умерла для меня! – четко проговорила я. – Убирайся! Уезжай в свой Питер и больше никогда не попадайся мне на пути!

Анечка так сильно вздрогнула, словно я дала ей пощечину. Она опустила голову, отвернулась и пошла в противополо-

ложную сторону. Я глубоко вздохнула, преодолевая боль в сердце, выпрямила спину и направилась в сторону клуба.

Когда я подошла к главному входу, то сразу увидела Марту в компании подружек. Она была во всеоружии своей красоты. Золотистые волосы уложены в пышную высокую прическу, от этого ее лицо выглядело еще тоньше, густые перламутровые тени подчеркивали цвет глаз, губы казались пухлыми от жирного розового блеска. Серебристое платье плотно обтягивало ее изящную фигуру. На мой взгляд, оно было коротким до неприличия. Босоножки на высоченной платформе делали ее тонкие ноги немыслимо длинными. Я глотнула, в горле от волнения пересохло, и решительно двинулась к двери. Марта перестала разговаривать, повернулась ко мне и присвистнула.

– Девушки! – визгливо возвестила она. – Кто к нам пришел! Мисс «жировая бомба нашего города». И как она вырядилась! Жесть! Впервые вижу нашу толстуху на каблуках. Да это любовь. Ираклий будет сражен наповал.

Она повернулась к подругам, и они громко расхохотались. Я сжала губы, решив делать вид, что ничего не вижу, ничего не слышу.

– А растянутая на груди роза? – не унималась Марта. – Это как призыв! Она такая огромная, издалека бросается в глаза. На большой белой туче по имени Катя...

– Заткнись! – не выдержала я. – Не то хуже будет!

– Ой, как страшно! – окончательно развеселилась Мар-

та. – И что же будет?

Ее глаза смотрели насмешливо, но я видела, что в глубине появился страх. Марта даже сделала шаг назад, ближе к своим подругам.

– Волосенки твои налаченные выдеру, – тихо ответила я.

В этот момент раздались восторженные вскрики, визг и возгласы. Я резко обернулась. К клубу подкатила машина, из нее выбрался Ираклий и быстро двинулся к главному входу. Концерт вот-вот должен был начаться, он явно опаздывал.

– Милый! – кинулась к нему Марта, расталкивая визжащих поклонниц.

Ираклий замедлил шаг и глянул на нее с недоумением.

– Привет! – торопливо начал он. – Извини, но...

– А меня тут обижают! – капризно проговорила она и схватила его за локоть.

– Кто?! – изумился он, оглядываясь.

– Эта жирная жаба! – Марта указала на меня пальцем и прижалась к опешившему Ираклию.

Поклонницы замолчали и сгруппировались вокруг нас. От нахлынувшего гнева я на миг потеряла дар речи. Но Ираклий и не думал попадаться в ловушку, расставленную Мартой.

– Девушки, разбирайтесь сами, а меня ждут! – сухо произнес он, глянул мне в глаза, затем перевел взгляд на Марту. Она тут же приняла невинный вид и захлопала ресницами.

– Но, милый..., – начала она дрожащим голосом.

Ираклий мягко высвободился из ее цепких пальцев, опустил голову и ринулся к двери.

– Что, съела? – не выдержала я. – Да ему на тебя наплевать! Все знают, что его сердце свободно, Ираклий после расставания с последней девушкой вот уже три месяца ни с кем не встречается, так что не надо трубить на всех углах, что вы с ним пара! Ты выглядишь смешно, мошь белобрысая!

– Ну я тебе сейчас покажу, дрянь! – завизжала Марта и неожиданно бросилась на меня.

Я была на высоких каблуках, по этой причине чувствовала себя весьма неустойчиво и не сразу отреагировала. Марта пребольно вцепилась мне в волосы и начала дергать их. Она продолжала визжать и буквально меня оглушила. Но через мгновение я пришла в себя и отвесила ей оплеуху. Ее хватка ослабела, она дернулась всем телом. И я снова врезала ей что есть силы. Марта отлетела и упала бы, если бы не девушки, которые подхватили ее. Я уже была вне себя от гнева и хотела отлупить ее так, чтобы она пару дней встать не могла. Особенно меня привлекала перспектива исцарапать ее красивое личико. Поэтому я ринулась к ней и вцепилась в растрепанные пряди, притягивая ее к себе. Но тут чьи-то сильные руки подхватили меня и потащили прочь. Я начала дергаться, но увидела, что и Марту схватил охранник.

– Сейчас обеих в участок отправим! – угрожающе заявил тот, что тащил меня. – Посидите ночку в обезьяннике, помнеете, скандалистки!

– Нет, не надо, господин охранник! – заныла притихшая и обмякшая всем телом Марта. – Мы больше не будем!

Увидев, какую она скорчила гримасу, я не выдержала и зло засмеялась. Охранник выпустил меня. Я постаралась взять себя в руки, одернула футболку и выпрямилась. Поправив растрепанные волосы, громко проговорила, глядя в глаза охраннику:

– Отпустите меня, пожалуйста! Я еще несовершеннолетняя.

– Да ладно! – не поверил он. – Тебе лет двадцать, как минимум!

– Нет, нет, – закричала Марта, – нам всего по семнадцать. Мы только школу окончили.

Охранники переглянулись.

– Ладно, черт с вами! – наконец решил один из них. – Идите отсюда. И учтите, мы вас запомнили и в наш клуб дорога закрыта обеим!

– Но как же..., – заныла Марта.

Но они и слушать не стали, отвернулись и направились к двери. Зрители моментально потеряли интерес к происходящему, и к нам в том числе, и устремились в клуб. Подруги Марты, к моему большому удовольствию, что-то промямлили, по типу «рады бы поддержать, но так давно мечтали о концерте», развернулись и ушли в клуб. Марта стояла в полной растерянности. На ее лице было написано изумление, презрение и обида.

– Все из-за тебя, идиотка! – бросила она, развернулась и пошла к дороге.

Я видела, что она остановила такси. По правде говоря, мой внешний вид был настолько плачевен, что и мне захотелось уехать отсюда как можно скорее. Но я не хотела так быстро сдаваться. Все-таки я пришла на концерт группы Ираклия и была намерена получить удовольствие от созерцания кумира, несмотря ни на что.

Он был для меня светом в окошке. После того случая на новогодней вечеринке я ненавидела всех мужчин и никак не могла избавиться от этого. И часто думала, что причина отсутствия романов в моей жизни происходит именно из-за этой разъедающей меня изнутри ненависти, а вовсе не из-за моей внешности и лишнего веса. Парни подсознательно чувствовали, как я на самом деле к ним отношусь, и обходили меня стороной. Почти все мои ровесницы крутили романы и даже поменяли по несколько парней, все жили полноценной девичьей жизнью, одна я ходила как зачумленная. Но ненависть и отвращение к мужскому полу засели во мне, я постоянно носила их как камень в душе, это мешало, раздражало и угнетало. И только Ираклий не вызывал у меня таких негативных эмоций. Но, по правде говоря, он был для меня наподобие принца из волшебных сказок, а не парнем из крови и плоти. Да, я мечтала о нем по ночам, представляла, как он обнимает и целует меня, как мы гуляем по вечернему парку, взявшись за руки и идя на закат, как он шепчет мне нежные

словечки на ухо.... Но было странно, что всегда такие картины представляли перед моим внутренним взором, словно нарисованные. И мы существовали в них как мультяшные герои. Однако меня это не напрягало, и я продолжала мечтать о моем нарисованном принце, лелея в душе нежность к нему. В огромном и черном комке ненависти, постоянно давящем меня изнутри, робкое светлое и трепетное чувство к Ираклию прорастало словно розовый нежный бутон. И я надеялась, что он превратится в яркий цветок, который излечит мою душу. Но наши отношения не развивались, на самом деле они просто отсутствовали, бутон так и не расцвел. Ираклий понятия не имел, как я к нему отношусь и воспринимал меня как обычную девушку из его школы, каких много. Я понимала, что являюсь для него «частью толпы поклонниц», но меня такое положение дел даже устраивало. Я знала, что у нас не может быть романтических отношений, Ираклий никогда не обратит на меня внимания, как на потенциальную девушку. И я не делала попыток открыть кумиру свое сердце. Я боялась боли отказа, насмешек, непонимания, поэтому предпочитала оставаться в мечтах, где мы гуляли по вечернему парку как нарисованные принц и принцесса.

Я глянула на охранников. Они стояли возле двери. Толпа уже редела, почти все прошли в клуб. После недолгих колебаний я обогнула здание и приблизилась к служебному входу. Я решила, что позвоню Ираклию и просто попрошу про-

вести меня внутрь. Но в этот момент дверь распахнулась, показалась полная пожилая женщина в сером спецовочном халате. Она с трудом вытащила огромный мешок с мусором.

– Стаканы бьют, мусорят, полные урны всякой дряни, а я таскай и таскай, – ворчала она.

И я поспешила к ней на помощь. Не то, чтобы я такая сердобольная, просто подумала, что уборщица сможет провести меня внутрь. Подхватила мешок с другого конца, и мы потащили его к мусорным бакам.

– Вот спасибо, девушка! – расплылась уборщица в улыбке, когда мы бросили мешок в бак. – Ай-яй! Так ты ж сильно испачкалась! И вон рука-то расцарапана. Поди, в клуб идешь на концерт? Что ж ты, милая, мне-то кинулась помогать, да еще в такой нарядной одежде? Ну-ка пошли со мной!

И она засеменила в сторону входа. Но и там оказался охранник.

– Петровна, это кого ж ты ведешь? – поинтересовался он. – Нельзя ж посторонним.

– Племяшка моя, – без запинки ответила та. – Пусть поможет. А то тяжело мне!

– Ну-ну, – только и сказал он и пропустил меня внутрь.

Петровна завела меня в подсобку.

– Вот, девонька, – довольно сказала она, – тут можешь в порядок себя привести. А то вся растрепалась, да и краска размазалась. И зачем вы, такие молоденькие, так сильно мажетесь? – со вздохом заметила она и уселась к столику, на

котором стоял чайник. – Может, чаю тебе налить?

– Нет, спасибо! – улыбнулась я. – Вы и так меня очень выручили! Я лучше в туалет пойду. Там и умоюсь и причешусь.

– И то верно! – согласилась она.

И я улыбнулась ей и вышла.

В этом клубе я была всего пару раз и плохо ориентировалась, и уж тем более со стороны подсобных помещений. И я свернула не туда и попала в какой-то узкий и полутемный коридор. Остановилась и прислушалась. И пошла на голоса. Заметив приоткрытую дверь, заглянула. Это оказалась одна из гримерок. Ираклий стоял возле зеркала и расчесывал свои волнистые волосы. Рядом сидел парень из группы и курил.

– Здравствуйте, – растерянно сказала я и вошла.

– Господи, и сюда пробрались! – с возмущением проговорил парень и встал. – Девушка, уходите по-хорошему! Как вы через охрану-то прошли? В гримерку никого не пускают.

– Катюха? – удивился Ираклий.

– Твоя знакомая? – спокойнее уточнил парень.

– В одной школе учились, – ответил Ираклий и улыбнулся мне. – Ты как сюда проникла? Ну и видок у тебя!

– Да уж! – подхватил парень и окинул меня взглядом с ног до головы.

Я глянула на себя в большое зеркало, висевшее над столиком, и вздрогнула. Я походила на огородное пугало – волосы торчали во все стороны, макияж размазался, на щеке алела царапина. К тому же моя новая белая футболка была

испачкана. На плече и рукаве темнели какие-то пятна.

– Черт бы побрал эту... твою Марту! – зло выкрикнула я.

– Подрались что ли? – предположил парень и расплылся в улыбке.

Он взял пластиковый стаканчик и налил мне воды.

– Да ладно! – нахмурился Ираклий. – Марта не такая, чтобы драться. Она девушка утонченная!

– Плохо же ты знаешь... свою Марту! – раздраженно сказала я и залпом выпила воду.

– Слушай, а что ты затеяла «твоя, своя»? – с легким раздражением спросил Ираклий. – Мы вовсе не пара! Надоело уже! В блогах только это и обсуждают. К кому не зайду, сразу первый вопрос: встречаемся ли мы с Мартой?

– Так это она распускает слухи! – уверенно проговорила я, приблизила лицо к зеркалу и начала вытирать размазавшуюся тушь. – Просто ты не в курсе. А эта выдумщица Марта всем говорит, что в Москве вы будете чуть ли не жить вместе. Родители уже сняли ей уютное гнездышко.

– Что?! – изумился Ираклий и расхохотался.

На душе у меня сразу потеплело. Видно было, он даже не помышляет о близости с Мартой.

В примерку, громко разговаривая, вошли два парня. Увидев меня, они замерли и замолчали.

– Это Катя, – быстро представил меня Ираклий.

– А-а, – неопределенно ответили они в один голос. – Слушай, сейчас наш выход! Чего вы тут застряли? Публика уже

разгорячилась. Пора!

Я растерянно глянула на Ираклия.

– Ты хочешь нас послушать? – заулыбался он.

Я отчего-то смутилась и не ответила на вопрос.

– Так иди в зал! Нам, правда, пора! – вразной заговорили парни.

Я кивнула и покинула гримерку.

Но в коридоре замедлила шаг. Желание идти в зал пропало. Конечно, любоваться Ираклием на сцене было для меня наслаждением, но я понимала, что встречу там много знакомых, и отвечать на вопросы по поводу недавней драки совсем не хотелось. К тому же сейчас у меня был такой шанс объясниться с Ираклием. Глупо упускать его. Постояв с минуту в мучительном раздумье, я бросилась обратно в гримерку.

«Вот сейчас я все ему скажу! – метались мысли. – Наберусь смелости и признаюсь в своих чувствах! Ведь он ясно дал понять, что равнодушен к Марте. А значит, его сердце свободно!»

Сколько раз я пыталась сделать признание, однако в последний момент всегда трусила. Я подлетела к двери и столкнулась с выходящими ребятами.

– Ты чего еще здесь? – удивился Ираклий.

– Знаешь... давно хотела тебе сказать..., – растерянно начала я и посмотрела в его глаза.

– Забыла что-то? – невпопад спросил он.

Туман в моей голове начал рассеиваться. Я четко видела не мультяшного красавца-принца, а реального парня. Ираклий выглядел взвинченным, момент для объяснений я выбрала крайне неподходящий. Его ждало выступление и разгоряченные поклонницы, я слышала, как они орут в зале, вызывая своего кумира.

– Ну?! – все больше раздражаясь, спросил он.

– Просто хотела попроситься! На днях улетаю на Кипр, – торопливо проговорила я.

– Хорошо отдохнуть! – бросил он и поспешил вслед за парнями.

«Ну и ладно! – подумала я, глядя на его быстро удаляющуюся, подтянутую фигуру. – Пусть все остается, как есть».

Но боль от его неприкрытого равнодушия захлестнула меня. Мне даже стало трудно дышать, сердце колотилось, хотелось кричать.

«Дура! Какая же я дура! – твердила я про себя. – Почему я все время боюсь объясниться?! Сколько это будет продолжаться? Давно пора напрямую спросить его, как он ко мне относится. Конечно, если судить по его поведению, он ко мне равнодушен. Но я совсем не знаю парней, у меня нет никакого опыта общения с ними, я даже представить не могу, что у них на уме. Возможно, если Ираклий узнает о моих чувствах, то посмотрит на меня другими глазами. Хотя... разве может он увлечься девушкой с такой внешностью? На что мне надеяться?! Я безобразна!»

Слезы хлынули неудержимым потоком. Сердце разрывалось от жалости к себе, я так была несчастна в этот момент и уверена, что Ираклий никогда меня не полюбит. И я, с трудом сдерживая рыдания, не пошла в зал, а покинула клуб тем же путем, что и вошла в него.

В смятении я уже бежала, слезы охлаждали щеки, но жгли глаза. До дома бабушки было не так и далеко, я неслась как сумасшедшая, хотела быстрее скрыться у Аллы в квартире и вдоволь наплакаться. Когда приблизилась к нашему двору, то попыталась успокоиться, даже начала считать шаги. Так меня учила бабушка, говоря, что нервы лучше всего приходят в норму, если идти быстро и считать, и когда дойдешь до ста, то уже успокоишься. На восьмидесятом шаге я завернула за угол своего дома и налетела на Марту. Она стояла возле куста сирени, практически вжавшись в него спиной, и курила. Я отскочила назад и остановилась в шаге от нее. Ее лицо, подсвеченное красными лучами заходящего солнца, выглядело плачевно. Под глазом лиловел синяк, на правой щеке были отчетливо видны полосы глубоких царапин. Наверное, я должна была почувствовать раскаяние при виде жалкого вида соперницы, но тут я заметила баллончик краски для граффити в ее руке и подняла взгляд на торец дома. На серой стене я увидела черную надпись: «Катка – жирная тупая дрянь и конченная су...» Марта не завершила начатое. Но недописанное слово было и так понятным.

Я раскалилась до предела. Марта отбросила сигарету и

баллончик и сверлила меня ненавидящим взглядом.

– Какого черта?! – злобно сказала она. – От тебя никуда не скроешься! Ты меня чуть с ног не сбила, туша! И посмотри, что ты сделала с моим лицом!

Я из последних сил держала себя в руках, но мечтала сейчас только об одном – врезать ей, что есть силы. Как же я ненавидела эту наглую самовлюбленную куклу!

– И ты еще смеешь на меня нападать? – с угрозой проговорила я. – Что ты написала на стене моего дома?! Ты ведешь себя словно дебильная малолетка!

– А это не я! – усмехнулась Марта. – Думаешь, тебя хоть кто-то любит у нас во дворе? Это мог сделать, кто угодно!

– Но я видела баллончик в твоей руке! – истерично крикнула я.

Кровь бросилась мне в голову, силы воли удерживать себя не хватало, казалось, что меня сейчас разорвет от дичайшего приступа гнева. Я молча ухватила Марту за плечи и вдавила в куст. Она, видно было, сильно испугалась. Ее зрачки так расширились, что заполнили все радужку и казались черными провалами в бездну.

– Убьешь меня? – с трудом выдавила она. – Давай! Сядешь в тюрьму. Там тебе самое место!

Я встряхнула ее, что есть силы. Марта что-то пискнула, как придавленная мышь, и замолчала. Я вперила в нее неподвижный взгляд. Затем не выдержала и с силой ударила по лицу... раз, другой... Ее голова моталась из стороны в сто-

рону, она зажмурилась и всхлипнула.

– Не смей оскорблять меня, – тихо, но отчетливо проговорила я. – И запомни: Ираклий тебя не любит, он к тебе равнодушен, – решила я перевести разговор и ужалить ее в самое сердце.

Эти слова словно придали ей силы. Марта вырвалась и ударила меня по рукам. Мы остановились друг перед другом.

– Он меня любит! – с вызовом произнесла она и вздернула подбородок.

– Ираклий равнодушен к тебе! Я ходила в клуб, я была у него в гримерке перед выступлением, и он сам мне это сказал! Лично! – в тон ей ответила я. – И только это правда. Усвой уже! И не вешайся на парня, иначе он будет тебя презирать. Ираклий уже взбешен всеми этими выдумками якобы вы пара. Он сам мне сказал, что заходит на странички и буквально готов матом отвечать на все эти посты о том, будто ты его девушка, – приврала я.

– Так и сказал? – поникла Марта, но тут же подняла на меня ненавидящий взгляд и сухо проговорила: – Ты все врешь, чтобы сделать мне больно! Он не мог такое сказать и тем более тебе!

– А чем я хуже других? – перешла я в наступление.

– Ты?! – зло расхохоталась она. – Ты ничтожество! Тупая, ничем не интересующая дура, двоечница, неудачница, которая всех ненавидит и только и делает, что жрет и спит. Посмотри на себя трезво! Я написала правду, ты и есть...

Марта договаривать не стала, лишь подняла руку и указала на незаконченную надпись на стене. Я вздрогнула, молнией пронеслась мысль, что именно так обо мне все и думают. Боль отчаяния охватила душу, я буквально остолбенела и уже с трудом удерживала слезы. Марта воспользовалась моментом и убежала. Но мне не хотелось догонять ее. Я стояла неподвижно и не сводила глаз с чернеющей надписи. Слезы хлынули, но облегчения не принесли. Я подняла баллончик и хотела закрасить ранящие меня слова, но снова застыла.

«Это правда! – метались мысли. – И это невыносимо! Какой-то тупик, в котором я нахожусь вот уже несколько лет! Я всех ненавижу и в ответ получаю только ненависть».

Я подняла баллончик и закрасила слова. Но от мучений это меня не избавило. Отбросив баллончик, я села на землю, привалившись спиной к стене. Сгорбившись, уткнулась лицом в колени и горько расплакалась.

Глава вторая

Дедушка Федя встретил меня в аэропорту Эрджан. Когда я вышла в зал, немного оглушенная, уставшая, переволновавшаяся, то вначале никого и ничего не видела. Мой излишний вес во время полета давил на меня, я чувствовала себя крайне некомфортно, болела голова и даже начало тошнить. К тому же летела я с пересадкой через Стамбул. Прямого рейса, как оказалось, нет. И я все еще не пришла в себя. Мне хотелось лишь одного – лечь где-нибудь в тихом и темном уголке. Но тут на меня налетел показавшийся слишком молодым для моего деда поджарый и загорелый мужчина и буквально оглушил приветствием, расспросами, предложениям «сразу где-нибудь подкрепиться». Он заключил меня в крепкие объятия и расцеловал. Его парфюм со свежими цитрусовыми нотками перебивал резкий запах чеснока. И я невольно поморщилась и отодвинулась.

– Внученька! – возбужденно говорил дед, дыша мне в лицо, и запах чеснока усилился. – Да какая же ты стала красавица! И совсем-совсем взрослая. Как же давно мы не делись!

Услышав определение «красавица», я просто не поверила своим ушам. По настоянию Аллы я не стала пользоваться косметикой, волосы гладко зачесала со лба назад, надела удобные сандалии, широкие шорты и свободную футбол-

ку. После довольно прохладной московской погоды здесь на меня обрушилась жара. Я, едва выйдя на улицу, начала обливаться потом. Было около полудня. Солнце обжигало так, словно стоял разгар лета, а не последние августовские дни.

Федор легко подхватил мою дорожную сумку и двинулся к автостоянке. Я знала, что ему в этом году исполнилось шестьдесят пять, но выглядел он настолько моложе, что я буквально не верила глазам. Возможно, загар придавал ему такой вид. При наличии густых с легкой проседью волос и ярко-голубых глаз его лицо выглядело весьма эффектно. Он кинул сумку в багажник, усадил меня в машину и забрался сам. Плотно закрыл дверцы и первым делом включил кондиционер. Затем тщательно вытер обильный пот со лба и развернулся ко мне. С его лица не сходила улыбка. Правда, зубы показались мне чересчур белыми и правильными – просто шедевр стоматологического мастерства. Видимо, именно это придавало моему деду вид голливудского актера старой школы.

– Чем займемся? – без перехода спросил он. – Ты сильно проголодалась? Может, для начала заедем в кафешку? А то дома пустой холодильник!

– Ты на диете? – с улыбкой поинтересовалась я.

– Нет! – рассмеялся Федор. – Просто я только что переехал. Дом абсолютно новый. Но это жильё со встроенной техникой и с минимумом необходимой мебели.

– И кондиционеры? – обрадовалась я, глядя в окно на идущую

щую мимо машины пару.

И девушка и юноша были одеты одинаково – короткие шорты, спортивные майки и вьетнамки. Оба были в бейсболках. Но в такую жару это было оправдано. И я порадовалась, что послушалась Аллу. А то моя мама настаивала, чтобы я вырядилась в строгий брючный костюм, да еще и белую парадную блузку надела, уверяя, что я должна выглядеть прилично, элегантно, и дед это сразу оценит. Ох, уж эти провинциальные представления о приличиях!

– А как же! – кивнул он. – Кондеи здесь первым делом ставят. Климат-то роскошный! Зимы, как таковой нет. Температура не опускается ниже плюс одиннадцать. Рай! Поэтому и решил сюда рвануть.

– Да ладно! Ты же давно в Испании обосновался. Можно подумать там холодно! Темнишь ты, дедуля. Давай, колись!

– Сленг какой у тебя... корявый, – заметил он и вздохнул.

– Алла тоже ругает за такие слова, – ответила я. – Но у нас все так говорят!

– Знаешь, внучка, давно понял, что лучше быть индивидуальностью, хотя, несомненно, легче быть как все! Хорошо, раз ты спрашиваешь, – после паузы добавил он. – Да, мы решили пожить отдельно. Устал я как-то от моей нынешней супруги. Видимо, возраст уже таков, что необходимо личное пространство и, главное, чтобы никто над душой не стоял.

– И ты решил сбежать от нее в другую страну? – расхохоталась я.

– Именно, – улыбнулся дед. – Имею я право на отдых от семейной жизни? Тем более моя нынешняя жена моложе меня на двадцать лет. А у тебя как с личной жизнью? – неожиданно спросил он.

Я смешалась, жар прилил к щекам. У нас в семье никто и никогда не лез в душу. И только Алле позволялось задавать мне подобные вопросы. Но я дружила с ней с самого детства и доверяла полностью. А тут какой-то малознакомый мужчина, пусть и мой родной дед, задает такие интимные вопросы. Раздражение охватило против воли, я уже открыла рот, чтобы ответить в своей обычной резкой манере, но он так искренне улыбался, его взгляд показался мне таким добрым и сочувствующим, что я взяла себя в руки и тихо ответила:

– Никак! Дед, ты разве сам не видишь? Я же уродина! Толстая, прыщавая, неинтересная. Какой парень обратит на меня внимание?

Невольные слезы подступили, я с трудом их сдержала и отвернулась. Его пальцы коснулись моих волос, но я отдернулась.

– Думаю, это у тебя после волнений, связанных с перелетом, такое странное настроение, – мягко заметил Федор. – Ну ничего, мы это быстро исправим. Чашка ароматного чая и какое-нибудь вкусное пирожное творят чудеса!

И он завел машину.

– Долго нам ехать? – уточнила я.

– Обосновался я неподалеку от Кирении, но как здесь го-

ворят – Гирне. Северный Кипр все-таки турецкая республика и многие населенные пункты носят два названия – на турецком языке и на греческом. Так вот до Гирне от аэропорта ехать всего-то полчаса. Все рядом! Там мы и перекусим. А уж потом домой поедem. Мое жилье в пригороде, можно и так сказать. Ну, все сама увидишь!

– Ладно, – устало ответила я.

– Но если хочешь, то пообедаем в Лефкоше, тут рядом, минут десять ехать.

– А что это? – вяло поинтересовалась я.

– Я думал, ты знаешь, – удивился Федор. – Решил, на досуге проштудируешь хотя бы Интернет и считаешь о месте, куда едешь. Какая ты все-таки нелюбознательная девушка, – со вздохом добавил он.

– Ах да, вспомнила! – сказала я. – Название города прибытия именно Лефкоша.

– К тому же это столица Северного Кипра, – пояснил дед. – Второе название – Никосия.

«Слишком много информации, – с легким раздражением подумала я. – Голова и так словно в тумане!» А вслух сказала:

– Давай уже остановимся на каком-то одном варианте, а то сразу столько незнакомых слов я не запомню!

– Да-да, – спохватился он. – Ты же только с самолета. Голова, наверное, кругом идет. Да и акклиматизироваться нужно.

Я улыбнулась, откинулась на спинку сидения и закрыла глаза. Мне даже расхотелось смотреть на пейзажи за окном, такую я ощущала усталость.

Но когда приехали в Гирне, я уже чувствовала себя намного лучше. Думаю, роль сыграл прохладный кондиционированный воздух в машине и какой-то фруктовый освежающий напиток, который дед предложил мне. Бутылочка была маленькая, содержимое на вкус цитрусовое, и я пожалела, что дед не прихватил с собой еще одну. Напиток мгновенно взбодрил меня. Я даже начала интересоваться окружающим. Мы проезжали мимо каких-то показавшихся мне живописными развалин. Я захотела выбраться из машины и сфотографироваться на их фоне. Но дед здесь не остановился. Он сказал, что это остатки древней стены, про которую он ничего не знает. К тому же везде росли какие-то желтые и жухлые на вид стебли. Дед пояснил, что это местные придорожные колючки. В июле они цветут и весьма красиво, а вот в августе засыхают и осыпаются. Жители жалуются на то, что шипы этих растений запросто прокалывают шины автомобилей. Поранить ноги мне совсем не хотелось, поэтому я согласилась, что тут лучше не выходить.

– Мы перекусим, а потом, если будет желание, то можем осмотреть основную местную достопримечательность – средневековую крепость, построенную в стиле кастель. Внутри есть и красивая византийская церковь, встроенная в одну из башен, – оживленно рассказывал дед, выворачивая

на более широкую улицу.

Я уже окончательно пришла в себя и с любопытством смотрела по сторонам. Город показался мне довольно оживленным, хотя я уже поняла, что он очень небольшой. Да и высоток видно не было. Город выглядел низкоэтажным. Дома, в основном, в три этажа, редко – пять, были окрашены в очень приятные пастельные тона, что при таком ярком солнце было обосновано.

– Пообедаем в рыбном ресторанчике, – предложил дед и свернул с бульвара на узкую улочку. – Это же портовый город, тут всегда свежая рыба. Ты как?

– Хорошо, – согласилась я, ощутив приступ голода.

– К тому же можно устроиться на открытом воздухе, – добавил он.

Я глянула в переднее окно. Мы уже спускались к набережной. Вид открывался очень живописный. Бухта оказалась закругленной, пришвартованные многочисленные яхты выглядели будто диковинные лепестки огромной ромашки, серединкой которой являлась вода. Справа на берегу я заметила старую на вид крепость с большой округлой башней. На набережной оказалось немало уличных кафе. Их столики прятались под полотняными навесами. Ветер трепал их, и мне показалось, что там должно быть очень свежо и не так жарко. Дед припарковал машину, и мы двинулись к ресторану. Я с удовольствием вдыхала, хоть и горячий, но пахнущий морской водой и водорослями ветерок. Он трепал мои волосы,

пряди закрывали мне лицо, но я не обращала внимания. И то, что я без защитного слоя косметики, уже не волновало. Впервые я ощутила себя достаточно свободной от условностей, внутри все растаяло, улыбка не сходила с лица, но я ее не прятала. Дед глянул на меня и довольно заметил, что я наконец-то пришла в себя. Мы устроились почти у самой воды. Дед изучал меню, а я – сидящих за соседним столиком двух загорелых парней. Они что-то оживленно обсуждали и периодически поглядывали на меня. Я начала смущаться и отвернулась. Федор сделал заказ, я положились на его вкус, к тому же не знала местной кухни.

– Парни-то тебя так и едят... глазами, – заметил Федор и засмеялся.

– Какие? – сделала я удивленный вид, хотя прекрасно понимала, о ком идет речь.

– За соседним столиком, – продолжил дед. – Но местные вообще любят корпулентных¹ дам, так что ты абсолютно в их вкусе.

– Каких? – не поняла я.

– Ну, аппетитных пышечек, – с улыбкой пояснил он.

– Сочиняешь ты все, – смущенно ответила я.

Но словно в подтверждение его слов на нашем столе появилась красная роза. Официант вежливо поклонился и что-то быстро сказал. Дед ему ответил, а я впервые в жизни ост-

¹ Корпулентный – эвфемизм, происходит от лат. Corpulentus – толстый, полный.

ро пожалела, что была так ленива и не выучила в школе английский.

– Поклонники выразили восхищение твоей красотой, – лукаво проговорил дед.

Я так растерялась, что замолчала, не зная куда деть запылавшее лицо.

– Ты, кстати, можешь и не отвечать на этот невинный знак внимания, – продолжил он.

– Так и сделаю, – пробормотала я.

Но улыбка так и лезла на лицо, я никак не могла спрятать ее, губы словно помимо воли растягивались, настолько мне было приятно внимание парней. Я уже успела заметить, что они оба весьма симпатичны – жгучие брюнеты, загорелые и спортивные.

– Учти, Катя, – после паузы назидательным тоном произнес дед, – турки необычайно темпераменты сами по себе, они обожают женщин, и уж тем более с аппетитными формами, умеют говорить комплименты и завлекать таких невинных овечек, как ты. А ведь я за тебя отвечаю. Я поклялся Аллочке, что ты вернешься домой в целости и сохранности.

– Да что мне сделается-то?! – рассмеялась я, справившись со смущением. – Пусть только подойдут!

– И подойдут! – уверенно заявил Федор. – Не раз, вот увидишь.

Но меня его предположение только порадовало. Никогда, никогда я не пользовался успехом у парней. Я просто не

знаю, что это такое.

Официант принес наш заказ. Пока он составлял с подноса тарелки, я украдкой глянула на соседний столик. Парни по-прежнему были там. Увидев, что я смотрю на них, дружно заулыбались, восхищенно зацокали и начали посылать мне воздушные поцелуи. Я снова смутилась и отвернулась. И тут же столкнулась с внимательным взглядом деда.

– Может, стоит мне вмешаться? – уточнил он.

– Нет, нет, что ты! – испугалась я. – Они ведь ничего предосудительного не делают.

– И все же советую оставить их подарок на столе, – посоветовал он. – Тогда они поймут, что ты не намерена продолжать знакомство.

– Приятного аппетита, – сухо проговорила я, не ответив на его замечание, и принялась за рыбное блюдо.

Розу я все-таки решила взять себе. Когда мы закончили обедать и дед расплатился по счету, я встала и сразу направилась к машине, стараясь не обращать внимания на явно огорченные восклицания парней. Федор шел рядом и посмеивался. Но когда нам навстречу попала еще одна компания парней и они без стеснения начали вразнобой говорить что-то типа: «вау! бьюти! квин! супер!», дед подхватил меня под руку и быстро потащил к автостоянке. Как только мы оказались в салоне, он завел мотор и тронул машину с места.

– Ну и ну! – ворчал дед. – Да я за тобой повсюду с ружьем должен ходить! И как я тебя сейчас одну в город выпущу?

Вот же не было печали...

– Не волнуйся! – ответила я, не переставая улыбаться. – Я умею за себя постоять.

– Что-то не заметил, – парировал он. – Шла и млела от такого внимания. Могу себе представить! Ваши-то парни такого бурного восхищения не привыкли выказывать. А тут это в порядке вещей. Так что ты особо не обольщайся. Они тут всем дамам раздают комплименты... так, на всякий случай. А вдруг обломится? – добавил он и рассмеялся.

– Сам такой, – ответила я.

– А то! – легко согласился дед. – Такова уж наша мужская природа!

Машина вывернула на широкий бульвар. Я с любопытством вглядывалась в прохожих и отметила, что молодежи в городе довольно много. Причем были не только турки, но и европейцы.

– Здесь есть университет, кажется, американский, – сообщил Федор. – Так что в городе не только туристы. Хотя сейчас это место активно раскручивается... я имею в виду вообще Северный Кипр. Но это и понятно. Сами-то ничего не производят, вот и решили за счет туризма выживать. В этом маленьком городе столько отелей, казино и ресторанов, что Лас-Вегас позавидует!

– То-то ты решил именно тут обосноваться! – засмеялась я. – Алла как-то рассказывала, что ты имеешь страсть к игре.

– Ох, Катюшка! Не приведи господи! – погрустнел Фе-

дор. – Это ужас что такое. Я ведь угрожал немислимые деньги на психоаналитика, чтобы избавиться от этой зависимости. Много просаживал в казино, непозволительно много.... Из-за этого и второй брак развалился. Но сейчас ни-ни! Отвечаю.

– Вот и хорошо! – ободряюще проговорила я. – А то глупо заработанные трудом деньги отдавать просто так!

– Азарт – страшная сила, – тихо ответил он, – и противостоять ей практически невозможно. Это похуже любого наркотика.

Мы уже выехали из города. Я снова ощущала усталость, после сытного обеда меня разморило, хотелось лишь одного – поскорее оказаться на месте, принять душ и завалиться в кровать. Федор был молчалив и погружен в свои мысли. Помня, что его новый дом за городом, я приготовилась к длительной поездке. Но уже минут через десять мы въехали в поселок, состоящий из белоснежных двух- и одноэтажных вилл. Я с любопытством смотрела в окно, даже пыталась угадать, в которой из них поселился мой дед. Машина остановилась возле показавшегося мне роскошным особняка. Федор быстро открыл ворота, и мы въехали на территорию. Она оказалась совсем небольшой. Он остановил машину возле гаража на два места. Я выбралась из салона и потянулась. Все тело ломило. Нереально синяя вода бассейна, который виднелся возле виллы, манила. Хотелось немедленно в него прыгнуть. Жара стояла немислимая. Я подня-

ла голову. Небо без дымки и даже маленьких облаков резало глаз кислотным аквамаринovým цветом. Солнце висело прямо над головой и опалило мои голые руки.

Федор загнал машину, взял мою дорожную сумку и молча кивнул. Я поплелась за ним. Но как только мы вошли внутрь дома, сразу ощутила свежую прохладу кондиционированного воздуха. Первый этаж состоял из огромной гостиной с камином, пол был выложен крупной плиткой. Слева была расположена обеденная зона и кухня. Они ничем не отделялись от гостиной.

– Пошли, – коротко бросил дед и направился к лестнице.

На втором этаже находились четыре комнаты. Федор кивнул в сторону одной из дверей и сказал, что это его спальня. Остальные оказались свободны.

– Кать, выбирай любую, – предложил он. – Они все уже заранее обставлены самым необходимым. Потом я, конечно, все поменяю. Но пока будем жить в походных условиях.

Он положил мою сумку на пол и скрылся за дверью. А я начала изучать комнаты. «Походные условия» показались мне роскошными. Спальни были выдержаны в разных стилях. Я выбрала «розовую» и втащила туда свою сумку. К моему удивлению, необходимый минимум по местным понятиям состоял из деревянной кровати с резным изголовьем, пары тумбочек, встроенного платяного шкафа с большим зеркалом, обязательного кондиционера и огромной плазмы, висящей напротив кровати. Весь текстиль был выдержан в од-

ном стиле – розово-цветочном. Это придавало комнате уют. К тому же у меня оказался отдельный санузел с душевой кабиной, что не могло не восхитить. Я быстро выложила свои немногочисленные вещи в шкаф, стянула одежду и встала под душ. Когда ощутила, что полностью охладилась и смыла пот и пыль, завернулась в полотенце и вышла в комнату. Портьеры были задернуты. Я подошла к большому окну и выглянула на улицу. И тут же увидела балконную дверь. У моей спальни был даже отдельный балкон! Я подняла полотенце выше на грудь и вышла на улицу. Вид открывался восхитительный: совсем рядом синело спокойное море, кромка горизонта практически сливалась с таким же синим небом. Приятный сквознячок овеивал мое влажное лицо, трепал мокрые волосы. Я полюбовалась какое-то время морским пейзажем и начала изучать двор. Бассейн сверху показался мне не таким уж и большим, дно было выложено разноцветной мелкой плиткой, порадовали белые пластиковые лежаки, сдвинутые неподалеку. Сбоку от дома имелось что-то типа крытой беседки. Огорчило, что двор был даже без намека на зелень, ни кустика, ни цветочка, одни голые плиты. Но я понимала, что озеленение не предусмотрено проектом, что показалось мне правильным. Хозяин украшал свои владения на собственный вкус. Ограда была низкой – обычная кованая решетка.

Я перевала взгляд на соседний участок. Вилла походила на нашу – такая же белая, двухэтажная и компактная, но яв-

но обжитая. Я заметила плющ, начавший заплетать ограду и часть стены, кустики желтоватых цветов, угол бассейна. Возле него в шезлонге полулежал какой-то парень. Увидев его, я сразу натянула полотенце чуть ли не подбородка, хотя он не замечал моего присутствия, уткнувшись в ноутбук. Над парнем был раскрыт большой полотняный зонт, рядом на столике находился стеклянный кувшин с каким-то желтым напитком.

«Хорошо устроился... киприот, – подумала я, с непонятным раздражением наблюдая за соседом. – Ишь разлегся! И жара ему не помеха».

Я перегнулась через перила и вгляделась в соседа. Его стройное загорелое тело было повернуто ко мне боком, я видела длинные ноги, живот закрывал раскрытый ноутбук, черты лица различались с трудом из-за тени зонта, голова была повернута ко мне в профиль. Я видела лишь, что волосы у парня черные, они были подняты в короткий высокий хвост.

«Индеец, блин, – отчего-то развеселилась я. – Только пера в такой прическе не хватает!»

Понаблюдав за соседом еще какое-то время, я вернулась в комнату. И первым делом взяла косметичку. И хотя я собиралась просто обойти дедовы «владения» и осмотреться, но одна только мысль, что местные ребята могут увидеть меня без основательного макияжа, вызывала ужас. Правда, я все не могла забыть неприкрытое восхищение парней из ресто-

рана, а ведь я была вся в поту и совсем без косметики. И это наводило на размышление. Но недаром говорится, что привычка – вторая натура. А я лет с четырнадцати выходила из дома только густо накрашенная. Я устроилась перед большим зеркалом в стенке шкафа и внимательно себя осмотрела. Зачесанные назад волосы открывали лоб, он был высоким, но его портили прыщи, поэтому я всегда прикрывала их густой челкой. На щеках тоже виднелись высыпания. Правда, моя кожа уже успела немного обгореть, выглядела покрасневшей, поэтому эти недостатки не так бросались в глаза. Я уже выдавила тональный крем на палец, как в дверь постучали. И тут же заглянул Федор.

– Можно? – уточнил он и вошел. – Вижу, душ приняла. Это так освежает! Я тоже первым делом встал под холодную воду. По правде говоря, я решил, что ты сейчас же завалишься спать. После такого-то перелета! А ты, вижу, красуешься возле зеркала? Но, Катя, зачем в такую жару наносить косметику? Не понимаю вас, девушек! К тому же я думал, что пора бы и на пляж сходить, если ты, конечно, не устала.

Я бросила косметичку на столик и села на край кровати напротив деда. Он устроился в кресле.

– Видишь? – нервно поинтересовалась я и указала на свое лицо.

– Вижу, – кивнул он и улыбнулся. – Только что? Пухленькая девчушка! Милаха!

– Я не про свои толстые щеки! – раздраженно ответила

я. – Прыщи!

– Может, раздражение какое-нибудь? – равнодушно заметил он. – Бывает!

– Раздражение?! – вспыхнула я. – Мерзкие постоянные прыщи, которые делают меня уродиной!

– Кать, не надо так расстраиваться! – начал он меня утешать. – У юных девушек такое бывает из-за гормонов.

– У меня из-за шоколада! – пояснила я более спокойно. – Алла отвела меня к дерматологу еще в возрасте двенадцати лет. Тогда они у меня как раз и начали появляться. Врач отправил меня к аллергологу, сделали пробы, выяснилось, что у меня жуткая аллергия на шоколад. Мне вообще его есть нельзя! – выкрикнула я, снова начиная раздражаться.

– Бог мой, девочка! – увещающим тоном заметил дед. – В чем трагедия-то? Раз причина установлена, почему прыщи все еще портят твои прелестные щечки?

– Я не могу с этим справиться, – тише пояснила я. – После того, как мне запретили шоколад и все продукты, содержащие какао, у меня развилась самая настоящая шоколадомания. А! Тебе все равно не понять! Я обожаю сладкое! Я жить не могу без пирожных, шоколадных тортов, конфет, муссов и прочего.

– Почему же не понять, – задумчиво произнес Федор. – Я сам подвержен страстям. А шоколад, как я где-то читал, вообще сродни наркотику. Зависимость вызывает, поэтому отказаться трудно. Нужно иметь большую силу воли, а ты, я

вижу, привыкла потакать себе. Но это и понятно!

– Чего тебе понятно? – хмуро спросила я.

– Если тебе не добавляют любви, то ты стараешься хоть как-то баловать себя. И от любимого продукта трудно отказаться. «Меня и так никто не любит, в моей жизни и так мало удовольствий, – рассуждаешь ты, – почему я должна отказывать себе в таком малом, как в плитке шоколада? А прыщи? Ну и черт с ними! Замажу тональным кремом. Меня все равно никто не целует».

Федор замолчал и вопросительно на меня посмотрел. Я растерялась и не знала, что сказать. Раньше я никогда не задумывалась о природе своей ненормальной любви к шоколаду. Но это был словно замкнутый круг. Я четко знала, что мне категорически запрещено есть этот продукт и все равно нарушала запрет. И снова появлялись прыщи. Я смотрела на себя в зеркало, ужасалась, даже страдала от своего уродства, впадала в отчаяние и чтобы хоть как-то себя утешить... снова ела шоколад. Так продолжалось вот уже несколько лет. После слов деда я словно прозрела. И тут же появилась решимость с этой секунды даже не смотреть в сторону конфет и пирожных.

– У тебя один выход, – после паузы продолжил Федор, – крепко в кого-то влюбиться. Сразу откажешься от всех вредных продуктов, лишь бы выглядеть на все сто.

– А ты уверен, что я не влюблена? – сорвалось с языка.

Федор внимательно на меня посмотрел и заулыбался.

– Чего скалишься? – начала я злиться.

– Фу, как грубо! – поморщился он. – Конечно, не влюблена. Иначе ты так бы не выглядела, – уверенно добавил он.

Это было новой информацией для размышления. По логике деда получалось, что Ираклия я не люблю. Иначе почему я не то что не могла выдержать хоть какую-то диету, но и просто отказаться от шоколада, чтобы кожа была чистой. Я знала, что стоит мне не употреблять этот продукт хотя бы две недели, как прыщи проходят сами собой.

«Но это не моя природная лень, – оправдывала я себя. – Вот если бы Ираклий по-настоящему интересовался мной, то я бы точно избавилась и от прыщей, и от лишнего веса! А уж если бы мы были парой, то я бы точно выглядела на все сто».

Слегка успокоив себя этими рассуждениями, я вздохнула и глянула на деда. Он улыбался.

– На пляж? – только и спросила я. – Видела с балкона, что море совсем недалеко.

– Вот и отлично! – закивал он. – Море в это время очень приятное, да и не так жарко, как в июле!

– Это ты называешь – не так жарко? – расхохоталась я. – Но ведь ужас что такое! Солнце так и палит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.